

A movie poster featuring a woman with long, wavy blonde hair in the foreground, looking slightly to the side. Behind her is a man with a beard and short hair, wearing a black tank top, looking directly at the camera. The background is a blurred indoor setting.

ЕКАТЕРИНА
ДИБРИВСКАЯ

ТИХОНЯ ДЛЯ ЛЮТОГО

Екатерина Дибривская Тихоня для Лютого

<https://litres.ru/74206644>

Аннотация

Вот уж чего я не знала, когда отправлялась отдохнуть с подругой, что её властный папочка прилетит проконтролировать своё чадо! А ещё не думала, что у моей подружки может быть такой молодой и симпатичный отец. И вот совсем не думала, что он решит приударить за мной, простой Тихоней вовсе не модельной внешности. И, конечно, даже не подозревала, чем окончится обычный поход в клуб..!

История Сергея Дмитрича Суровина "Недотрога для Сурового": История Андрея Хмурских "Паинька для Хмурого":

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	15
Глава 3.	26
Глава 4.	37
Глава 5.	47
Глава 6.	61
Глава 7.	74
Глава 8.	87
Глава 9.	105
Глава 10. Лютаев	121
Глава 11.	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Глава 1.

Подруга бросается мне на шею.

– Ура! Ты приехала!

Меня окутывает удушливый запах сладковатых духов, мятной жвачки, за которой скрывается ещё один, еле слышный – алкогольный.

Милена расцеловывает мои щёки, выхватывает у меня дорожную сумку и тянет за руку в сторону тёмного нутра этого незнакомого огромного дома.

– Пойдём, я покажу твою комнату!

Откуда-то доносятся звуки музыки, разговоров и смеха, и я тяжело сглатываю.

До сих пор не понимаю, как Милке удалось меня уговорить! Несмотря на то, что мы подружились ещё в начале первого курса, за пределами универа толком и не общались. Слишком странная у нас выдалась дружба.

Милена Лютаева – единственная дочь обеспеченного отца, отвязная тусовщица, красавица, каких я не видывала. Длинноногая платиновая блондинка с идеальной фигурой, в модной одежде, всегда на каблуках.

И я – тихая заучка из провинциальной губернии. Мой отец всю жизнь работал на авиационном заводе, а мама – медсестрой в детском саду. Папа, как и многие его коллеги, пил два раза в месяц до полного беспамятства, а мама пла-

кала. Мы не жили бедно по меркам нашего города, но на фоне Лютаевой я была нищей. Поэтому и чувствую себя здесь чужой.

Как ей удалось уговорить меня спустя почти полтора года общения на эту поездку, я и сама толком не знаю. Слово за слово, и я кивнула: «Да, конечно, Милен, я приеду на твой день рождения. Куда-куда? В Сочи... Ах, оплатишь билеты? Ну, ладно!». Потом я, конечно, принялась её пытаться: почему Сочи, а не дом в Барвихе, почему старинные друзья, а не московская тусовка?

Нет, конечно, из её московских друзей тоже намечались несколько гостей. А Сочи... Так всё просто – отец Милены вложился несколько лет назад в недвижимость, и дом всё равно пустует. Горный посёлок. Тишина. Свежий воздух. И никаких соседей поблизости. Словом, почти как Барвиха, да только обслуга ничего не доложит папочке. И как я сразу не догадалась?!

Из-за своей работы я вылетела позже всех, Миленка заказала мне такси и предупредила охрану, поэтому, можно сказать, добралась я без происшествий. Да только все собравшиеся уже немного навеселе. Надеюсь, обойдётся без эксцессов.

Мила втягивает меня в одну из комнат второго этажа и говорит:

– Твоя комната. С самым лучшим видом.

Я смущённо рассматриваю хоромы размером с полторы

родительских квартиры и перевожу взгляд на панорамные окна.

– Обалдеть! Какая ж красота! – вырывается у меня, и Миленка радостно хмыкает.

Подруга подходит к окну и распахивает его.

– Там балкон. Наверное, ещё слишком холодно, чтобы там сидеть с книжкой, но выйти подышать вполне можно.

Мы выходим. Широкий балкон с шикарным видом на склон горы и острые вершины за ним тянется вдоль всего второго этажа. Мила читает мои мысли:

– Не переживай, на втором этаже ты будешь жить одна. Сауна и тёплый бассейн в цоколе, остальные гости будут на первом и третьем этажах. Я с Петрушей лягу в мансарде – у меня там детская. – Мила задорно смеётся, намекая, что вести себя они будут совсем не по-детски. – Так что весь этаж в твоём распоряжении. Здесь всего две спальни, общая ванная между ними, кинотеатр, кабинет, библиотека... Вроде всё.

Мила широко улыбается, пока до меня доходит:

– Библиотека?!

– Да. Я знаю, что ты не тусовщица, поэтому официально разрешаю иногда переводить дыхание с книжкой по вкусу.

Я бросаюсь на шею подруге и крепко обнимаю.

– Ты лучшая!

– Нет, это ты лучшая. Я очень тебя ценю, Глаш.

– Насчёт этого... – смущаюсь я.

– Я помню, Аглай, помню, – Милена закатывает глаза и

распахивает шкаф. — Твой наряд на сегодня.

Не дожидаясь от меня ответа, подруга стремительно покидает комнату, которую я буду занимать ближайшие шесть ночей, а я подхожу к шкафу и разглядываю блестящее платье бледно-розового цвета.

Оно короче, чем я привыкла носить. Оно дороже всех моих вещей. Красивое. Для изящных девушек. Не для простушки и тихони Глашки.

Откладывая время знакомства с друзьями Милены, я разбираю дорожную сумку, освежаюсь, воспользовавшись огромной ванной с двумя дверями, медленно заплетаю пшеничные волосы в косы. Мелкие колечки смешно топорщатся в разные стороны, словно я овца. Нужно было взять у Милы утюжок для выпрямления! Хотя с такой влажностью это пустое.

Поразмыслив немного, я откладываю в сторону бюстгальтер и остаюсь в одних лишь трусиках. Обычные хлопковые плавки. Тем не менее платье садится идеально, а юбка-колокольчик скрывает очертания белья. И я выдыхаю спокойнее, разглядывая своё отражение в зеркале.

Как бы мне не хотелось быть такой же самоуверенной, как Миленка, однако, меня трусит как осиновый лист на ветру. Ненавижу общение с незнакомцами, тем более, с богатенькими мажорами, которые того и гляди так и норовят унижить более слабого. В моём случае, бедного. Главное, не показывать им своей боли. Главное, не разрыдаться перед ними!

Нерешительно спускаюсь вниз и иду на звуки вечеринки. Все они внизу, на цокольном этаже, у бассейна. Тусклый голубоватый свет от воды заставляет меня щуриться, пока кто-то не догадывается зажечь дополнительную подсветку. Белые светодиодные лампочки новогодней гирлянды ничуть не облегчают видимость, но я навешиваю на лицо подобие улыбки и отыскиваю среди танцующих подвыпивших ребят Миленку.

Подруга находится не сразу. Её язык глубоко в глотке Петруши, её парня. Я подхожу к ним и тихонечко покашливаю.

– О, наконец-то ты спустилась! – радостно кричит Мила, привлекая внимание к моей персоне. – Ребят! Знакомьтесь! Это моя лучшая университетская подруга, Аглая.

Следующие полчаса Мила буксиром таскает меня вокруг бассейна, бесцеремонно знакомя со всеми своими гостями.

Я насчитываю около пятнадцати человек, помимо нас с Миленой и Петрушей. Голова идёт кругом от бесконечных приветствий и разнообразности имён.

Друзья детства Милены отличаются от её московской тусовки приблизительно, как мы отличаемся друг от друга. Их здесь всего четверо: два парня и две девушки. Они не столь напыщенные, в отличие от наших мажоров, хотя я уверена, что их родители гораздо богаче.

Сёстры-двойняшки Миа и Лаура – француженки, но неплохо говорят на русском. Их отец – сооснователь языко-

вой школы в Ницце, где училась моя подруга. Филипп жил по соседству с семьёй Милены, а Венсан – через два квартала. Но все они учились в одном классе, их родители проводили вместе уикенды, и у детей просто не было возможности избежать этой дружбы.

Судя по всему, эта четвёрка очень близки и по сей день. Миа вольготно устраивается на коленях у Венсана, а Лаура тянет Филиппа танцевать. Отличные ребята, которые нравятся мне куда больше привычных друзей Милки.

После экзекуции знакомства я устраиваюсь с краешку шезлонга и разглядываю собравшуюся компанию.

Мила танцует с Петрушей, Лаура с Филиппом рядом с ними. Ещё на импровизированном танцполе Мира с Игорем, Андрей и Гриша.

Некоторые разбились по парочкам, и того и гляди начнут предаваться разврату, невзирая на людей поблизости. Ну хоть меня никто не цепляет!

Я уже подумываю незаметно проскочить в комнату и выспаться после тяжёлой недели, но решаю выждать ещё с полчаса. Тогда уж точно никому не будет до меня дела!

И зачем я приехала? Милка веселится, и это правильно. Незачем ей развлекать меня, когда происходящее тут это совершенно не привычная для меня среда.

С двумя бокалами шампанского ко мне подходит высокий смуглый брюнет, кажется, Борис. Он учится в нашей группе, но никогда не обращал на меня внимания: в аудитории пре-

стижного университета я всего лишь серая мышь, заучка и тихоня. Моя внешность настолько обыденна, что однокурсники чаще смотрят сквозь меня либо делают вид, что меня нет.

– Скучаешь, Аглая? – спрашивает парень, усаживаясь рядом.

Он протягивает мне один бокал, и я из вежливости принимаю.

– Спасибо! Нет, вовсе не скучаю. Мне очень весело наблюдать за поведением людей.

– Мы раньше нигде не встречались?

Мне хочется закатить глаза, но я лишь улыбаюсь:

– Мы учимся в одном универе.

– И как это я пропустил такую красавицу?

Я прыскаю:

– Наверное, ты хорошо учишься и сам?

– Да, я отличник, – кивает он. – погоди, а какая тут связь?

– Просто я тоже отличница, – поясняю на его задумчивый взгляд, – как правило, на меня обращают внимание только те, кому нужны конспекты, реферат или домашка.

– Да быть такого не может! – недоверчиво фыркает Борис.

Я пожимаю плечами:

– Добро пожаловать в мой мир.

Он залпом осушает свой бокал и говорит:

– Потанцуй со мной.

Я задумываюсь. С одной стороны, я не умею танцевать. С

другой, не хочу. Но и не могу сходу отыскать благовидного предлога отказать, ещё и Борис явно замечает мои раздумья:

– Ну я же не съем тебя!

Киваю и отставляю бокал на столик. Я ведь даже не успела сделать ни глоточка. И не уверена, что собираюсь. Кто-то должен оставаться трезвым... на всякий случай.

Борис берёт меня за руку, и я перебарываю желание вырвать её. Он выводит меня в центр толпы на другой стороне бассейна, туда, где больше места для танцев, ярче мигают огни и громче играет музыка.

Под одобрительные подмигивания Милены я начинаю покачиваться в такт музыке, а мой партнёр прижимает меня к себе слишком тесно. Поначалу я хочу отстраниться, но его руки лежат на моей спине, затрудняя движение.

А потом начинают блуждать по телу, касаясь лопаток, плечей, поясницы, ягодиц, бёдер. Доходят до самой кромки платья и возвращаются вверх, чтобы снова повторить свой путь.

Мне не хочется прослыть истеричкой, но мне не нравится происходящее. Особенно, когда шаловливые пальцы Бориса приподнимают в темноте подол пышной юбки и ползут по голой коже к белью.

Сама по себе моя ладонь взмывает вверх и лупит парня по щеке. Хлёсткий хлопок привлекает к нам ненужное внимание.

– Ты больная?! – с обидой вопит пострадавший, хотя мне хочется задать ему тот же вопрос. Но я молчу. – Припадоч-

ная, охладись!

Борис легонько подталкивает меня в сторону бассейна, а дальше всё происходит как в замедленной съёмке: покачнувшись на каблуках, я оступаюсь, подошва скользит по плитке и я плюхаюсь в воду.

Тишина вокруг парализует. От стыда я не смею поднять глаз ни на одного человека. Платье надувается от воды, вероятно, даже задирается, но я гребу к лесенке, тщательно сдерживая слёзы. Я не буду плакать при них! Не буду!

Отнюдь не грациозно выбираюсь из бассейна и быстро скрываюсь за первой попавшейся дверью. И только там даю волю слезам.

Слышу, как Миленка идёт вразнос, но мне всё равно. Надо же было так опозориться в самый первый день!

Позади хлопает дверь, и подруга касается моего плеча:

– Глаш, всё в порядке.

Я мотаю головой, давясь слезами.

– Да Борька просто мудака, никто не обращает на него внимания. И ты не обращай.

Я лишь горше всхлипываю.

– Глаш, ну прости. Хочешь, я выгоню этого придурка? Прямо сейчас?

– Это ничего не исправит.

– Ну я ему устрою! – приговаривает подруга. – Обидел мою Глашеньку! Знаешь, что? Давай-ка ты раздевайся, раз в

предбанник сбежала, иди прогрейся после воды, а я разгоню их всех спать и приду к тебе с халатом и тапочками. Посидим, поболтаем... Здорово я придумала?

– Давай ты сначала придёшь, а потом...

– Я быстро, Глаш. Не надо сидеть в мокрой одежде.

Миленка оперативно стягивает с меня платье, выдаёт банное полотенце и выжидательно смотрит.

– Что? – непонимающе спрашиваю у неё.

– Трусики.

– Нет, – я мотаю головой и отхожу подальше от девушки.

Стыдно-то как!

– Я такая же, как и ты, уверяю. Ничего другого у меня там нет. – Она вздыхает и добавляет: – Я отвернусь.

Не признаваться же подруге, что после работы я была без сил и забивала на депиляцию почти три недели. Зачем она мне, если у меня нет парня, свиданий и перспективы встретить того самого?

Я сворачиваю трусы в трубочку и кладу в середину сложенного платья.

– Я всё.

– Вот и умница! – радуется Милка, подхватывая мои вещи. – Я сразу запущу, чтобы хлорка не испортила шмотки, а ты иди грейся в сауне. Скоро буду.

Я боязливо захожу в прогретое помещение с приглушённым светом и устраиваюсь возле самой двери. Тёплый пар пробирается до костей, окутывает всё тело, и мне действительно

но удаётся расслабиться на некоторое время.

Пока я не замечаю, что Милены нет очень долго.

Неужели что-то пошло не по плану?

Я начинаю отсчитывать секунды, складывать из них минуты, истекая потом. Когда мне становится уже невыносимо сидеть на этой полке, я вынырываю обратно в предбанник и прислушиваюсь к происходящему за массивной дверью. Кажется, тишина.

Выглянув наружу, убеждаюсь, что помещение бассейна погружено во мрак.

Придерживая полотенце обеими руками, я тихо крадусь к выходу, на цыпочках поднимаюсь на первый этаж. Тишина.

Юркаю на лестницу и бегу со всех ног до своей комнаты. Сердце подлетает к самому горлу. Страшно представить, что со мной может сделать один из пьяных парней! А если я попадусь в таком виде на глаза Борису?!

Я захлопываю дверь и закрываюсь на все обороты. Беру из шкафа пушистое полотенце и пижаму, захожу в ванную, скидываю в бельевую корзину влажное от пота прикрытие и тут вспоминаю о второй двери.

Резко разворачиваюсь, делаю два шага в сторону противоположной стены... и дверь распахивается.

Глава 2.

Я застываю в полном шоке, тщетно пытаюсь прикрыть обнажённые участки тела ладонями. Передо мной мужчина лет тридцати... двух, примерно. Его загорелый торс с идеальными кубиками пресса – это первое, что бросается мне в глаза. Далее взгляд упрямо ползёт вниз, по дорожке жестковатых волос, пока не упирается в резинку низкосидящих спортивных брюк. Ниже посмотреть, впрочем, я не решаюсь, поэтому быстро возвращаю взгляд вверх, к его лицу.

Незнакомец смотрит исключительно в моё лицо. Ни миллиметром ниже. Несмотря на то, что моё инспектирование заняло всего несколько секунд, почему-то я уверена, он не изучал в это время меня.

Возможно, эта уверенность основывается на его вежливом, безразличном взгляде. А может, мне просто хочется так думать. Я не знаю, честно.

Тем не менее, я разглядываю его лицо. Аккуратная борода, стильная замысловатая стрижка, ледяные глаза, которые внимательно смотрят прямо в мои в это самое мгновение.

Я хочу закричать от охватывающего меня ужаса. Кто это? Откуда он здесь взялся? Как попал в дом? Он похож на какого-то гуляку и байкера, но недостаточно устрашающе выглядит для последнего определения.

И только я открываю рот, чтобы завопить, что есть мочи,

совершенно позабыв, в каком виде тут нахожусь, как мужчина резко подаётся вперёд и накрывает мой рот ладонью.

– Не надо. – глухо говорит он. – Я ухожу. Занимайся своими делами, просто открой дверь, когда закончишь.

От страха я лишь часто киваю головой. Он же не убьёт меня? Не свернёт шею за непослушание? Была Глашка, да погибла по дурусти в чужом доме.

Незнакомец медленно убирает руку и, тихо отступая назад, прикрывает за собой дверь. Я тут же бросаюсь, чтобы её закрыть, и утыкаюсь в неё лбом. Тело бьёт мелкой дрожью. Что это было? Что это, блин, было?!

Я не могу отогреться, унять эту дрожь даже под обжигающими струями душа, словно провела на морозе весь вечер.

Уже одевшись, я отпираю соседнюю дверь и быстро прячусь в своей комнате. Мне хочется запереть ванную со своей стороны, но замка здесь нет. И подпереть её нечем. Немного поразмыслив, я закутываюсь в одеяло и сажусь на пол, подпирая дверь спиной. Прислушиваюсь к каждому шороху, но за дверью – как и во всём доме – стоит тишина.

Глаза слипаются, но я упорно сижу под дверью, боясь сдвинуться в сторону. В конце концов, я прикрываю веки и засыпаю.

Утро встречает звуком дождя. Я нехотя приоткрываю глаза и с удивлением обнаруживаю над собой потолок. И когда это я, интересно, успела переместиться в кровать? Это ж надо было так утомиться, чтобы напрочь об этом забыть!

Вдоль спины пробегает холодок, когда я вспоминаю все причины, по которым не легла вчера спать нормально. Ох, и устрою я разгоняй Миленке! Ох, она у меня и попляшет! Сразу, как выясню у неё, что за мужчину видела ночью. Она могла бы и предупредить о приезде ещё одного гостя!

Конечно, при свете дня я мгновенно забываю все вчерашние мысли относительно того, что это может быть какой-то случайный человек. Да кто проберётся в полный дом народу, когда таунхаус под литерой А пустует?! Очевидно же, что это Миленкин знакомый!

Памятуя о ночном столкновении, я сразу запираю обе двери ванной и привожу себя в порядок. Долго расчёсываю волосы, пытаюсь победить «взрыв на макаронной фабрике», но бросаю это гиблое дело и заплетаю копну нелепых кудряшек в две плотных косы.

С сожалением смотрю на свой скудный гардероб и натягиваю леггинсы и толстовку. Смазываю губы кремом и иду вниз.

Ещё с лестницы вижу Милену, которая сидит на барном табурете, держась за голову. Самодовольно думаю, что подруга перепила шампанского и мучается теперь от головной боли, а сейчас я ещё и взбучку ей устрою, за то, что бросила меня в бане раздетую и позабыла рассказать о соседствующем на этаже госте!

Но все слова застревают в горле, когда я слышу её жалобный стон:

– Ай, папа! И так голова раскалывается, ещё и ты нашёл время для своих нравоучений!

Стоп! Папа?!

– Помяни моё слово, твой разгульный образ жизни однажды выйдет тебе боком!

Когда я пропустила в её разговорах, что здесь будет её отец?

– Пап, ну я прошу тебя! – стонет Милка, поворачиваясь на стуле и замечая меня. – О, Глаш, привет! Иди пить кофе.

Сдерживая претензии в адрес подруги до лучших времён, я захожу в кухню, навешивая улыбку на лицо. И она тут же гаснет, стоит мне только наткнуться на взгляд ледяных глаз.

А этот тип что здесь забыл?!

– Аглай, знакомься, это мой папа, Илья Александрович Лютаев. Папуль, это моя любимая подруга Глаша, я тебе много про неё рассказывала, а теперь наконец и показываю.

Мне с огромным трудом удаётся удержать челюсть на месте. Она то и дело норовит упасть на пол, да там и остаться.

Сейчас, при свете дня, я пялюсь на типа в тех же штанах, в которых он был ночью. С той же бородкой и дурацкой причёской. В тесной, словно на размер меньшей, белой футболке.

А он пялится на меня.

Мне хочется рассмеяться, словно от удачной шутки.

Разве он может быть отцом Милены? Вот этот качок с кубиками пресса? С выпирающими венами на бицепсах? С вы-

бритыми висками? С небольшим хвостиком? Вот он – отец моей Милки?!

С моих губ слетает тихий смешок, и он поджигает губы, недобро сверкая взглядом.

– Приятно познакомиться, Аглая, – говорит он, отворачиваясь к сковороде, на которой шкварчит десяток яиц. – Присаживайся к столу, завтрак уже готов.

– Спасибо, – смущённо киваю я его спине. – И мне... приятно.

Я устраиваюсь возле подруги, вопросительно глядя на неё. Милка закатывает глаза и шипит сквозь зубы: «Потом объясню», а мой взгляд возвращается к спине её отца.

Под тесной футболкой перекачиваются литые мышцы, чрезвычайно занимая моё внимание. Вот он тянется вверх, чтобы достать с полки тарелки, подхватывает снова лопатку, берёт в руки сковороду, делит глазунью на порции. Поворачивается, и я очерчиваю взглядом стальную грудь, широкие плечи, крупные бицепсы, трицепсы и прочие “цепсы”. Выставляет тарелки на стол перед нами с Милкой, и я отмечаю длинные ровные пальцы с ухоженными ногтями, широкие кисти рук, сугубо мужские, с выпирающими венами, которые, замудрённо переплетаясь, тянутся по рукам, покрытым светлыми грубыми волосами, и исчезают под белым хлопком.

– Аглая, чай, кофе? – раздаётся звучно надо мной, и я вздрагиваю.

Мужчина – отец Милы!!! – смотрит с усмешкой во взгляде, и я краснею, осознав, что он застал меня за разглядыванием.

Чуть хмурюсь и быстро отвечаю:

– Чай. То есть, кофе. Две ложки сахара, сливки. Или молоко. Спасибо.

– Милёнок, а тебе что налить? – спрашивает он мягко, совершенно другим голосом.

– Пап, чёрный кофе с сахаром.

– И аспирин?

– Да, пап, – стонет подруга.

Она слишком увлечена своей головной болью, и я возвращаюсь к своему занятию: разглядываю Лютаева.

Он нажимает несколько кнопок на кофемашине, ставит чашку на поддон, достаёт стакан. Наполняет его водой из-под небольшого отдельного краника, бросает в воду таблетку шипучего аспирина и ставит поближе к моей подруге, бросая на меня быстрый взгляд.

– Аспирину? – Илья Александрович изгибает бровь изящной дугой, и я с трудом делаю следующий вдох.

В груди вдруг становится очень мало места, а сердце подлетает к самому горлу. Но мужчина ждёт моего ответа, поэтому я совершаю усилие и выдавливаю:

– О, нет. Благодарю. Я не пила.

– Ну спасибо, – кряхтит Милка, залпом отпивая полстакана. – Умеешь поддержать в трудную минуту.

Неожиданно Лютаев звонко смеётся. Его смех вибрирует во мне, расползаясь жаром по коже.

– Милёнок, я вот тоже не пил. И у меня тоже не болит голова. Как предводитель команды трезвенников, я рекомендую тебе отправиться полежать ещё пару часов. Возьми минералки себе и Петру и прямо сейчас отправляйся. Я буду внизу и клятвенно обещаю накормить всех твоих друзей плотным завтраком, чтобы они как можно скорее пришли в себя. А ты придёшь в себя и снова будешь хозяйкой праздника.

– Да, пожалуй, ты прав. Раз ты здесь, я иду спать. – Милена спрыгивает с табурета и целует меня в щёку. – Не оби-дишься, Глаш, если я тебя брошу с папой? Он классный, чест-слово!

Я с сомнением смотрю на “классного” папу Миленки и медленно киваю.

– Отдыхай, я найду, чем занять себя пару часов.

Подруга прижимает мою голову к своей пышной груди и сипит на ухо:

– Ты самая лучшая, Глаш. Люблю тебя.

– И я тебя, – пыхчу в прямо в вырез её кофточки, и Мила наконец освобождает меня.

– Я ушла. Не скучайте тут, ребятки!

Я смотрю в тарелку. От волнения аппетита совсем нет. Стоит только подумать, что Лютаев сидит напротив меня, тело окутывает жаром, а лицо начинает гореть.

– Ешь, Аглая. – строго говорит мужчина, бряцая вилкой по фарфору.

Он с великим удовольствием поглощает яичницу, и я тоже пробую кусочек. Втягиваюсь и быстро начинаю есть, прихлёбывая кофе. Иногда я нерешительно поднимаю взгляд на Илью Александровича и каждый раз натыкаюсь на ледяные глаза. Серо-голубые. И холодные. Пронизывающие насквозь.

Наконец я не выдерживаю:

– Простите за... – Он смотрит с вежливым любопытством на меня. Взгляд опускается на губы, и мужчина чуть заметно хмурится. Неужели я чумазая? Протираю рот салфеткой и продолжаю: – За ночной инцидент в ванной. Милена не предупредила о вашем приезде.

– Она не знала. – тихо говорит он. – Я хотел сделать дочери сюрприз, мы давно не виделись. Только сюрприз оказался для меня.

– В смысле? – не понимаю я.

– Второй этаж негласно мой. – терпеливо поясняет он. – Обычно дочь никого не селит там.

– Ясно. – после коротких раздумий отвечаю ему. – Тогда мне нужно найти другую комнату.

– Они все заняты, – быстро проговаривает мужчина, недобро сверкая взглядом.

Словно это моя вина, что Милена нарушила какие-то семейные устои и поселила меня по соседству с папочкой!

– Уверена, я найду где и с кем можно провести несколько

ночей, – раздражённо отвечаю ему. – Не такая уж и проблема договориться с друзьями...

Он закатывает глаза:

– Не веди себя как ребёнок. Уверен, мы вполне переживём пользование общей ванной. Особенно, если будем запираť оба замка.

Я вспыхиваю:

– Ну я же сказала, что не специально!

– А я ответил: ничего страшного. – Лютаев накрывает мою руку ладонью и несильно сжимает. – Здесь нет темы для обсуждения. Как и нет причин ночевать не пойми где и не пойми с кем.

Смотрит прямо в глаза, выкачивая кислород из лёгких. Как там, в ванной, когда закрыл мне рот ладонью. Вынуждает принять его слова как единственное возможное решение.

Я не собираюсь с ним пересекаться, поэтому киваю. В глубине души я даже благодарна, что мне не придётся искать себе место для ночлега в комнатах мажористых друзей Милки или пристраиваться на диване в зале, где каждый будет шастать мимо и неизвестно что себе позволять.

– Вот увидишь, мы подружмся, – усмехается Илья Александрович, и я поспешно вырываю руку из его хватки, покрываясь густым румянцем.

Вскакиваю со стула, собирая грязную посуду. Занимаю свои руки, чтобы перестать усиленно думать.

У меня совсем мало опыта в общении с противополож-

ным полом. Точнее, полное его отсутствие. Но сейчас мне почему-то кажется, что отец моей подруги... заигрывает со мной. Какая глупость!

Намывая посуду, я окончательно выбрасываю из головы эту дурь.

Пока вдруг не застываю, почувствовав за спиной его присутствие.

Илья Александрович опускает в раковину свои тарелку и чашку, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

– Что? – спрашиваю у него, раздражаясь сильнее.

– Тут есть посудомоечная машина.

– Две тарелки и две кружки, Илья Александрович. – Я закатываю глаза. – Пока это посуда накопится, а тут – раз, и всё чисто.

– Ладно, – неожиданно злится он. – За мной, так и быть, поухаживай, но за остолопами Миленкиными даже не вздумай!

– И не собиралась!

– Прекрасно!

– Великолепно!

Я отключаю воду и поворачиваюсь к мужчине. Больше некуда – с другой стороны шкаф, и отвернуться к нему было бы крайне глупо.

Я застываю как зайчонок перед удавом, а мужчина не сводит с меня взгляда. Да что он всё смотрит мне в глаза? Пугает меня не на шутку!

Внезапно он поднимает руку в воздух и касается кончиком пальца уголка моего глаза.

– Ресничка, – поясняет тихо. – Будет колоться.

Палец ведёт по лицу, забегают на скулу и уходит вниз, к подбородку, стряхивая волосок куда-то на пол.

– Так лучше, – улыбается мужчина одними губами. Глаза при этом остаются серьёзными и внимательными.

– Спасибо, – дрожащими губами произношу еле слышно.

Ледяной взгляд устремляется на них. Губы покалывает и саднит, и я поджимаю их в тонкую линию. Лютаев хмурится, резко отходя от меня.

И только спустя несколько мгновений я понимаю, почему: из-за угла показываются две парочки. Французские друзья Милены.

Глава 3.

Под шумок я сбегаю наверх, выбираю себе книгу по вкусу и уже хочу вытащить на балкон второго этажа кресло, как вдруг вспоминаю, кто живёт по соседству. Сейчас, конечно, странный отец Миленки занят внизу, но неизвестно, насколько его займут эти дела. А мне бы не хотелось столкнуться с ним снова, особенно, в безлюдном месте.

Почему-то мне кажется, что это – сталкиваться с Лютаевым – очень плохая затея, не доведёт она до добра. А раз так, то мне стоит прислушаться к интуиции и держаться от мужчины подальше.

Вопреки голосу моего разума, моя душа, напротив, пребывает в полной гармонии, словно мне даже нравится это маленькое происшествие в кухне. В теле – от самой макушки и до кончиков пальцев – разливается томительная лёгкость, и я торопливо списываю её на долгожданный отдых. Ну, действительно, не может же быть это связано с отцом Милены?!

Стараясь отвлечься от мыслей о Лютаеве, я погружаюсь в чтение, но не проходит и часа, когда я понимаю, что то и дело прокручиваю в голове наше ночное столкновение и встречу за завтраком. Невозможно!

Я с грохотом опускаю книгу на тумбу, на мысочках пробираюсь к двери, приоткрывая её, и прислушиваюсь. В доме тишина, словно все вымерли.

Я спускаюсь вниз, озираясь по сторонам, но, кажется, народ расползся по комнатам и до самого вечера не собирается просыпаться. И мне бы наслаждаться тишиной и спокойствием, пока все ловят отходняки, но нет: не могу усидеть на месте, хотя последний месяц только и мечтала, чтобы целый день читать. Сидя, лёжа, в ванне. На балконе. У бассейна. А теперь все мысли заняты мускулистым отцом Милки.

Чтобы избавиться от странного наваждения, я шмыгаю в цокольное помещение и начинаю тихонечко наводить порядок, собирая и сбрасывая в урну остатки закусок, фантики от конфет и упаковки от чипсов. Отдельно на столставляю посуду. Думаю, сейчас я найду поднос и загружу посудомоечную машину... Но даже не успеваю ступить на лестницу.

Дверь, ведущая в предбанник сауны, с глухим хлопком распаивается, и оттуда в клубах пара вываливаются несколько человек. Они, не обращая на меня никакого внимания, с разбега погружаются по очереди в бассейн.

Я различаю французскую четвёрку друзей Милены и... Лютаева.

Мужчина достаточно быстро проплывает бассейн вдоль и поперёк, грациозно опирается на бортик и выбирается из воды, напрягая все свои «цепсы» одновременно. Мой взгляд жадно цепляется за кубики пресса, косые мышцы живота, на выпирающие вздутые вены, торопящиеся вниз. Туда, куда помимо воли скользит мой взгляд следом за сбегающими тонкими струйками воды.

Я нервно сглатываю. Хозяйство Лютаева едва помещается в тесных плавках и кажется мне огромным. Жар приливает к щекам, когда я представляю эту чёртову дубинку, которая просто создана, чтобы вколачиваться в красивых и ухоженных дам. Моделей, актрис, бизнесвумен... Не таких простушек, как я, разумеется.

Хотя мой опыт общения с противоположным полом весьма скуден и я всё ещё невинна в свои девятнадцать, но не настолько наивна, как может показаться на первый взгляд. Жизнь в столице, учёба в вузе и общение с Миленой принесли в моё существование много всякого. В теории мои знания были обширны, но практика ограничилась всего одним парнем, разбившим мне сердце. Это случилось в самом начале учебного года, и так стыдно мне не было ещё ни разу в жизни!..

– Хмм, Аглая? Всё в порядке? – мужской голос с сексуальной хрипотцой отрывает меня от раздумий, и я вздрагиваю, становясь пунцовой.

– Эээ, да, я здесь, собственно, прибиралась, а вы тут... неожиданно... все... появились... – мямлю я.

Лютаев с полотенцем в руках сокращает расстояние между нами и становится слишком близко ко мне. Я смотрю на капельки воды, заблудившиеся в его бороде, и не решаюсь поднять взгляд.

Боже мой! Я только что разглядывала член отца своей лучшей подруги, и он меня застукал за этим делом! Лучше

бы мне провалиться прямо на этом месте, чем когда-либо снова увидеть его смеющийся взгляд!

— Аглая, — тихо зовёт он. Я не откликаюсь. Мужчина тяжело вздыхает. — Аглая, пожалуйста, не нужно убирать за компанией безголовых друзей моей дочери.

Вместо ответа я киваю. Резко разворачиваюсь на пятках и убираюсь подальше отсюда на еле гнущихся ногах. На крайней ступеньке запинаюсь и слышу сдавленный смешок за спиной.

— Будь осторожнее, Аглая! — доносится до меня через закрывающуюся дверь.

И почему-то мне кажется, что предупреждение Лютаева никак не связано с моей неуклюжестью.

Я прячусь в своей комнате до самого заката. Чёрт бы побрал Миленку и её папочку! Если бы я знала, что здесь намечается, ни за что бы не согласилась сюда прилететь! Стоп... А что, собственно, здесь такого? Ну, подумаешь, отвязная компания моей подруги, я и в Москве о них знала. Как и понимала, что нянчиться со мной подруга тут не будет. Ну, отец её моложавый приехал... Подумаешь! И чего я так нервничаю? Наоборот, меня должно успокаивать присутствие взрослого человека. Только почему-то именно оно вызывает большее беспокойство.

После многочисленных обдумываний ситуации, я всё-таки признаюсь самой себе: мне страшно стать возможным объектом жестоких шуток для этих богатеньких людей. Всех

без исключения. Слишком ещё свежа память о моём первом и печальном опыте общения с противоположны полом..!

Когда закатное солнце медленно расплзается по горам на горизонте за моим окном, я слышу тихий стук в дверь.

– Кто там? – спрашиваю с затаённым опасением, но голос подруги разгоняет все тревоги:

– Глаш, это я.

– Входи.

Миленка заваливается рядом со мной на кровать и заискивающе смотрит мне в лицо.

– Гла-а-аш! Ты же не обижаешься?

– Нет, конечно. У тебя праздничное настроение, – я пожимаю плечами. – Веселись на здоровье.

На языке вертится вопрос: *зачем, ну зачем ты меня позвала?* Но я молчу.

Понятно, что наши миры слишком несовместимы, но если откинуть её реальность, которая располагается прямо по ту сторону закрытой двери, то не такие уж мы и разные. Просто обычные девятнадцатилетние девчонки с ворохом своих проблем, страхов и заморочек.

– Мы собираемся во дворе, сядем вокруг костра, папа будет гриль жарить: овощи, креветки, рыбу, лёгкий ужин, одним словом. Ты выйдешь?

– Не знаю... – пожимаю плечами.

– Брось, Глаш, – хмурится подруга. – Сегодня таких возлияний не будет, папа не допустит. Никто не будет тебя оби-

жать. Хочешь, я попрошу папу присмотреть за тобой?

– Нет! – вырывается быстрее, чем я успеваю прикусить язык.

Миленка удивлённо вскидывает брови, но у меня нет для неё ответов.

Не могу же я сказать подруге, что единственный человек, который вызывает нешуточные волнения в моей голове, и есть её отец!..

– Я выйду, только оденусь, – обещаю ей. – Подождёшь?

Она кивает, а я, начиная собираться, решаюсь задать вопрос:

– Мил, почему ты не сказала, что здесь будет твой отец?

На самом деле мне хочется спросить: *«Как такой красивый и молодой мужчина может быть твоим отцом?!»*, но смелости и наглости не хватит никогда в жизни.

– Я не знала, – она закатывает глаза. – Догадывалась, конечно, что примчится, чтобы проконтролировать, но не ожидала, что сразу. Специально сказала уже перед вылетом... А он, видимо, расценил это как приглашение. Понимаешь, Глаш, родители развелись уже очень давно, папа держит языковую школу в Европе и живёт там же, а мы с мамой в Москве. Из-за этого мы редко видимся. К тому же у папы сейчас новые отношения, с Тианой Урбан. Это...

– Я знаю, кто это, – морщусь я.

Ну вот. Что и требовалось доказать. Тиана Урбан – модель и блогер. Ну, точнее, сначала она была блогером, набрала по-

пулярность за счёт откровенных снимков, стала вебкам моделью, монетизировала закрытый канал с откровенными видео, а потом уже её пригласили сняться для модного бренда белья... Тонкая, красивая, изящная... Кто бы сомневался, что Лютаеву нравятся именно такие женщины!..

– У них странные отношения, – делится Миленка. – Тиана чуть старше меня, и она пока не хочет ни семью, ни детей, а папа... Он, словом, вроде, хочет. Недавно он сделал Тиане предложение, она взяла время для размышлений. У них там такая нервная обстановка, в общем, и я на самом деле не рассчитывала, что он её оставит пусть и на уикенд...

– А он прилетел, – заключаю я, и она кивает.

– Да он реально классный у меня! – оправдывается Миленка. – Всегда меня поддерживает. Вот даже взять эту ситуацию с алкоголем: другой бы вразнос пошёл, а мой папочка только посмеивается. Нет, он, конечно, переживает, но не ведёт себя как старпёр, не будет стоять в сторонке и поглядывать на нас как на несмышлёнышей. Максимум, может присмотреть, чтобы никто не помер, не убился, но он позволяет набивать собственные шишки и проживать жизнь со своими ошибками. Я ему очень благодарна за этот легкий характер. Но иногда, даже когда я точно знаю, что он не станет меня осуждать, мне его... как бы тебе сказать... чересчур, что ли... Вот как сейчас. Так хотелось побыть без него, но он примчался... И пусть я знаю, что он не станет препятствовать вообще ничему, но всё равно чувствую, что само

его присутствие уже играет роль стоп-фактора. Поэтому я и рада, и нет, что папа прилетел.

– Милка, это потрясно, когда родители с тобой на одной волне, – не соглашаюсь я. – Пусть тебя не смущает его присутствие, тем более, что ты говоришь, что он не станет тебя воспитывать. Уверена, он тоже скучает, учитывая географию и то, как редко вы видитесь. Может, он специально избрал такой способ быть родителем? Ну, быть больше другом, не терять с тобой эту тесную доверительную связь? А возможно, дело в том, что он и сам ещё довольно-таки молодой, вот и помнит, как важна в юности эта свобода? В любом случае, классно, что ты можешь при нём оставаться собой, да и друзьям твоим он мешать не собирается. Если бы он был чопорным и сухим бизнесменом... Блин, да так и сидел бы, поглядывая на нас как на малышей!

Мы смеёмся, и Милена снова кивает:

– Чёрт! Да, ты права, Глаш! Всё могло бы быть в разы хуже!

Когда мы выходим во двор, там уже собрались почти все. Не хватает только одной из московских подруг Миленки и... её отца. Ребята разводят в специально оборудованном месте для костра огонь, и мы садимся в круг. А там уже и Илья Александрович появляется в сопровождении Нины.

Миленка бросает на них равнодушный взгляд, а вот мне неожиданно становится интересно: чем они занимались наедине? Но подруга виснет на Петруше, оставляя меня зада-

ваться этим вопросом в одиночестве.

Нина так и увивается рядом с Лютаевым. Пока он разжигает огонь в мангале, она что-то делает на столе рядом. А когда он загружает первую партию овощей на решётку, спрашивает:

– Дядя Илья, всё?

– Да, спасибо, что помогла, Ниночка, отдыхай с друзьями.

Он резко поднимает взгляд, застывая меня врасплох. Прекрасно! Опять он поймал меня за разглядыванием!

– Аглая, проголодалась? – спрашивает он, даже не глядя в спину удаляющейся Нине.

– Не знаю, – мямлю я.

Ровно три секунды назад казалось, что умираю с голоду, а теперь, уверена, кусок в горло не полезет. А виной тому внимание этого мужчины.

И как так получилось, что мы сели так близко к площадке для гриля? Миленке то хорошо, она вон с Петрушей, а я... Сiju, вроде бы, в толпе, но словно одна. Чужая.

И после вчерашнего представления в бассейне, подозреваю, что многие сознательно избегают меня.

А вот такой же чужой для этой компании человек, отец Миленки, напротив, обращает на меня гораздо больше внимания, чем на толпу гостей собственной дочери с ней же во главе.

Нет-нет, да бросит взгляд в мою сторону. А я изо всех сил стараюсь игнорировать его присутствие.

Хуже становится, когда еда готова. Лютаев просит меня помочь, и я держу тарелки, пока он выкладывает с решётки овощи и креветки. Мужчина смотрит на меня с лёгкой улыбкой, от которой внезапно перехватывает дыхание. Пару раз наши руки случайно сталкиваются, и в этих местах кожа пылает.

Все налетают, словно чайки с голодухи, расхватывают горячие кусочки и торопятся снова занять мешки и кресла вокруг костра.

Я же стою в стороне, пока не понимаю, что никто не собирается обращать на меня внимания, и скрываюсь в тени дома, выходя со двора таунхауса на ровную асфальтированную дорожку посёлка.

Дохожу до конца улицы. Там дорога делает плавный поворот, а между домами есть тропинка в горы. Сумерки стремительно опускаются, но я и не собираюсь уходить далеко. Только посмотрю одним глазком!

Я захожу за деревья. Тропа хорошая, видно, что здесь часто гуляют жители посёлка. Примерно через пятьсот метров небольшая полянка с беседкой, откуда открывается вид вниз: на серпантин, ведущий до ближайшего городка и станции, где-то далеко виднеются вспыхивающие огни Большого Сочи, а в синеве на горизонте прячется море. Жаль, что сейчас его невозможно рассмотреть, но, возможно, завтра или послезавтра мне удастся не только увидеть его отсюда, но и куда ближе?

Я вглядываюсь в манящую синеву, стараясь не думать о причинах, по которым ушла, как только отец Миленки вошёл в дом. Сбежала... от его пронзительного ледяного взгляда, пробирающего до дрожи, а теперь стою и убеждаю себя, что мне показалось.

Ну не могу же я на самом деле испытывать интерес к отцу своей подруги? А главное, не могу же я думать на самом деле, что этот интерес взаимен?

Но почему тогда Лютаев смотрит на меня так, словно хочет... сожрать?

Глава 4.

Я возвращаюсь обратно во двор столь же незамеченной, как и уходила. Ну, или мне так кажется. Я чувствую на себе прожигающий взгляд, от которого бросает в дрожь. Мне не нужно проверять, чтобы убедиться наверняка, что это Лютаев.

С неудовольствием отмечаю, что вопреки всякой логике, едва отойдя от вчерашних возлияний, ребята уже снова сидят со стаканчиками. Ну неужели алкоголь столь необходимый атрибут для веселья? Неужели нельзя просто сидеть у костра и... а чем они, собственно, тут занимаются?!

За время моего непродолжительного отсутствия появившийся из дома алкоголь не единственное изменение. Девчонки укутались в пледы, пара ребят сели у бассейна, чтобы перекинуться в нарды, а Филипп наигрывает на гитаре что-то из французского шансона. В плетёном кресле, которое я занимала до этого, тоже лежит плед, но я не уверена, что он предназначен для меня, поэтому нерешительно топчусь чуть поодаль от компании, разглядывая народ. Всех, кроме Лютаева.

Я не решаюсь смотреть на отца своей подруги, хоть и чувствую на себе его пронзительный взгляд. Будь мы с Миленой чуть ближе... Чёрт, да даже тогда я не решилась бы поведать ей о своих мыслях! Даже в самом страшном сне мне не мог-

ло привидеться, что отец моей подруги станет проявлять ко мне интерес прямо перед своей дочерью, а я начну всерьёз размышлять об этом!

От зудящих нервов я подхватываю блюдо с овощами и грызу перец и морковь, но всё как рукой снимает, стоит только Лютаеву взять в руки гитару.

Как-то резко у меня пропадает аппетит, желудок сводит судорогой, и я перестаю дышать.

Голос мужчины рождает во мне мрачные и пугающие желания. Целые полчища мурашек разбегаются по коже, а соски напрягаются, причиняя мне дискомфорт. Сильным и уверенным тембром с лёгкой, сексуальной хрипотцой он поёт о любви. Так, словно точно знает, что это такое.

Никогда бы не подумала, что кто-то, похожий на байкера, может так чувственно исполнять самые лиричные и глубокомысленные композиции. В основном, он выбирает что-то из русского рока, реже – попсовые хиты. Почти все из них мне известны. Я теряюсь во времени и пространстве, тихо подпевая мужчине. Он виртуозно переходит от одной песни к другой, и чем больше проходит таких песен, тем громче и уверенней звучит мой голос.

Теперь я чувствую себя практически в своей тарелке. Словно я снова очутилась дома на летних каникулах, и это мои друзья, знакомая музыка и пение под гитару у костра ночами напролёт.

Я усаживаюсь в свободное кресло, набрасывая на плечи

плед, и Лютаев меняет позу, разворачиваясь вполоборота ко мне. Смотрит вопросительно, начиная наигрывать новую композицию, и я, пожевав губу, киваю, узнав её.

– Луч солнца золотого... – заводим мы вместе, и я улыбаюсь Илье Александровичу.

Ловлю его шикарную улыбку, бегло осматриваю пространство возле костра и чуть дальше, возле бассейна, и смущённо замолкаю.

Мы остались одни.

Совершенно неожиданнейшим образом вся честная компания друзей Милены и она сама просто оставили нас... петь под гитару одних.

Лютаев, верно считав мой настрой, бьёт по аккордам в последний раз, и звук повисает в напряжённой тишине.

Я поднимаюсь с кресла.

– Думаю, мне лучше пойти?..

– Торопишься присоединиться к тусовке у бассейна внутри? – скептически приподнимает бровь мужчина.

Сейчас, в свете угасающего пламени, в обнимку с гитарой, он меньше всего похож на родителя кого-то такого же взрослого, как я. Но я держу в уме это знание, чтобы... Чтобы не поддаться незнакомому искушению, думаю. Чтобы сдерживать рвущееся жеманство, отбросить в сторону неуместный флирт.

– Нет, туда я не собираюсь. – отвечаю, между тем, честно.

– Просто не думаю, что оставаться здесь – хорошая идея.

Он поигрывает желваками, отставляет гитару в сторону и тоже поднимается на ноги.

– Мне она не кажется плохой. Люблю сидеть у костра и петь под гитару. И мне показалось, что тебе тоже это нравится.

– Нравится, но... – я мнусь, подбирая слова. – Илья Александрович, нам лучше вернуться в дом. Воздух остывает, и...

Я осекаюсь. Мужчина смотрит на меня с усмешкой, будто точно знает, что я ищу причину, чтобы сбежать.

– Замёрзла, значит? – протягивает, словно спасательный круг, мужчина, и я цепляюсь за него.

– Да, я замёрзла. Ещё когда ходила гулять на смотровую площадку замёрзла, собиралась сразу пойти в дом, но отвлеклась на гитару и...

– Ты ходила гулять? Одна? – прищуривается Лютаев.

– Это запрещено? – я закатываю глаза, мгновенно ошетилившись. – Я же не заложница в вашем доме, Илья Александрович?

– Скажешь тоже, Аглая! – смеётся он. – Просто ты так не похожа на остальных друзей Милены... Никому из них и в голову бы не пришло пойти погулять по территории жилищного комплекса, подняться на смотровую площадку. Да и пение под гитару им кажется скучным занятием, они и песен то таких не знают.

– У них всегда были все возможности для других увлече-

ний, – говорю ему. – Зачем им гулять по территории коттеджного посёлка, если они с рождения путешествуют по всему миру? Зачем им блуждать в ближайшем лесу и заглядываться на виды, если они в любой момент могут щёлкнуть пальцами и очутиться на Розе Хутор? Откуда им знать песни вашей молодости, если с рождения к ним на дни рождения приглашают популярных знаменитостей? Зачем им сидеть у костра под гитару, когда можно подрыгаться под ритмы клубной музыки прямо в доме?

Мне хочется для верности ударить себя ладонью по лицу. Неужели он действительно не понимает этой разницы?

– А ты, значит, не такая? – задумчиво протягивает Лютаев.

– Значит, не такая. – пожимаю плечами, теряя запал. – Я не из вашего круга, уж простите.

– Ну вот, – возмущённо всплёскивает руками мужчина. – Снова ты передёргиваешь, Аглая. Разве это плохо, что ты такая, какая есть? Это же прекрасно! Я, можно сказать, очень приятно удивлён, что у Миленки есть такие друзья. Не все эти пустышки с искусственными интересами, а такая простая и настоящая девушка, которая может пойти прогуляться за пределами частной собственности, полюбоваться видом на горы, насладиться звуком гитары тихим вечером.

– Ох, Илья Александрович, – вздыхаю я. – Таких, как я, большинство.

– Не в моём мире, – заявляет он, и мне больше нечем

крыть.

Я так и стою молча напротив мужчины, пока он смотрит на меня, словно пытается разгадать тайный код мироздания. Только никакой тайны или откровения здесь нет. Наши плоскости – моя или семьи Лютаевых – никогда не пересекаются. Мы существуем в каких-то параллельных вселенных, и я в его – лишь случайная гостья.

– Ступай, Аглая, – резко выдыхает мужчина, словно не дышал всё это время.

Тепло его дыхания касается моего лица, и я тороплюсь скрыться подальше. В его доме. В соседней спальне с одной общей ванной на двоих.

Пока я *точно* знаю, что Лютаев бродит где-то внизу, торопливо принимаю душ, заплетаю косы, чищу зубы. Надеваю свою глухую пижаму, боязливо отпираю двери и бегом припускаю к кровати, ныряя под одеяло. Вот глупая! Словно Лютаев собирается в самом деле преследовать меня!

Лютаев, Лютаев, Лютаев..!

Через час смотрения в потолок я понимаю, что мужчина в какой-то степени всё-таки преследует меня. Пусть не физически, но он никак не хочет покидать мои мысли.

Через два часа я начинаю сосредоточенно прислушиваться к происходящему в доме... в ванной... в соседней спальне. Но тишина режет слух.

Через три часа я злюсь на собственную наивность и глупость: *вообразила* не бог весть что!.. Но всё ещё пытаюсь

услышать хоть что-нибудь. Любой шорох, намекающий на присутствие за двумя стенами живого организма.

Через четыре часа я подумываю спуститься вниз, чтобы лишь одним глазком убедиться, что... Боже, Глаша, просто спи!

Упрямо закрываю глаза, и вскоре мне действительно удаётся заснуть.

Как следствие бессонницы я просыпаюсь с жуткой головной болью, вся помятая и разбитая, и моё настроение под стать состоянию полного нестояния.

Когда я спускаюсь вниз, рассчитываю, конечно, увидеть Миленку, но подруга решила, видимо, побыть самой отвратительной хозяйкой, ведь её нигде не наблюдается. Вообще никого не наблюдается.

Я наполняю чайник и рыскаю по шкафам в поисках банки растворимого кофе, но мои надежды тают, словно прошлогодний снег. Вероятно, семья Лютаевых давно уже не помнит, что это за страшное словосочетание «растворимый кофе»!

От нечего делать подхватываю упаковку арабики, наверняка дорогущей, как и всё здесь, кручу в руках, пытаюсь сообразить, что с ней делать.

Нет, здесь, конечно, имеется, новомодный кофейный аппарат, но пользоваться я им не умею, а сломать боюсь. Не хочется потом на него работать целый год или примерно столько!

Разглядываю кофемашину со всех сторон, не зная, как подступиться. И даже тыкаю пару незначительных кнопок в надежде, что хотя бы разберусь, куда можно засунуть зёрна, но всё тщетно.

От досады я крепко зажмуриваюсь и рычу, и в тот же момент слышу за спиной:

– Ого! Кто-то сегодня встал не с той ноги?

И почему, спрашивается, более чем из пятнадцати человек в этом доме, я сталкиваюсь так часто именно с ним?!

– Может, сегодня как раз с *той*, Ильи Александрович? – спрашиваю я, резко разворачиваясь на пятках, и попадаю в плен ледяных глаз.

Меня бросает сначала в жар, потом в холод. Вдоль позвоночника кожа покрывается испариной. Я чувствую, как тонкая майка прилипает к спине, а руки начинает мелко потряхивать. Да что со мной не так?!

– Сомневаюсь, – протягивает мужчина, бегло осматривая меня. – Не думаю, что ты, Аглая, такая колючка.

– Странно, что вы вообще об этом думаете, – бурчу себе под нос.

– А я, знаешь ли, люблю на досуге поразмышлять о прекрасном, – бросает он.

Подходит ближе, протягивает ко мне руки. Я даже не сразу понимаю, что он обхватывает пальцами моё запястье и тянет на себя пакет арабики. Мне кажется, или Лютаев только что назвал меня *прекрасной*, а теперь *гладит* большим паль-

цем кожу моей руки?

– Сейчас я сделаю тебе свой фирменный кофе, и ты взбодрись. – с лёгкой улыбкой заявляет он. – Чего желаешь на завтрак? Омлет, оладьи, гренки с яблоком?

Я смущённо отвожу взгляд в сторону и натыкаюсь глазами на блестящий тостер.

– Не хочется вас утруждать, – выдавливаю из себя. – Я могу обойтись тостами... с чем-нибудь.

– Тосты, так тосты, – отзывается Илья Александрович. – Присаживайся, а я *поухаживаю* за тобой.

На негнущихся ногах я доползаю до высокого барного табурета и вскарабкиваюсь на него. Пятой точкой ощущаю взгляд, но не решаюсь проверить. Я просто знаю, что Лютаев *разглядывает* меня, и жалею, что не надела спортивные штаны вместо тесных леггинсов.

В компании Лютаева я испытываю дискомфорт. Несколько раз он пытается завязать дежурный разговор, но я без конца запинаясь и отвечаю односложно. В конце концов, к моменту, как я домучиваю тост, щедро смазанный творожным сыром и уложенными поверх него вялеными томатами, в кухне появляется Миленка, и я вздыхаю спокойнее. Ровно на несколько секунд.

– Доброе утро, ребятки! – весело приветствует нас моя подруга. – О, я только сейчас заметила, как классно вы смотрите вместе!

Я заливаюсь краской от макушки до самых пят, чувствуя

на себе обжигающий взгляд мужчины. Словно он *на самом деле* присматривается ко мне... в этом плане.

– Доброе утро, – пишу я, прячась за чашкой кофе. – У нас есть на сегодня планы, или я могу улизнуть и погулять?

Милка совсем не собирается мне помогать. Более того, она будто нарочно топит меня, с широкой улыбкой протягивая:

– Пап, разве ты не собирался сегодня в город? Прихватишь Аглаю? А то ей будет скучно с нами. Мы сегодня посмотрим сериал, а завтра тогда все точно отойдут и поедем в горы.

– С удовольствием помогу твоей подруге, – равнодушно бросает Лютаев, но в его глазах пляшут черти. – Часа на сборы тебе хватит?

– Двадцати минут за глаза, – заверяю я, испепеляя подругу быстрым взглядом.

Чувствую, это будет *весёлая* поездочка!

Глава 5.

Едва Лютаев скрывается из виду, я набрасываюсь на Миленку:

– Ты с ума сошла?! Зачем навязываешь меня своему отцу? Мне так неудобно отвлекать его от своих дел! Что за радость, скажи, ему возиться со мной? Я бы и на автобусе прекрасно добралась... Ну мы же всё обсуждали, Мил!

– Глаш, да ты сегодня как не с той ноги встала! – всплёскивает руками подруга. – Вообще не вижу проблемы: вместо того чтобы два часа трястись на автобусе, домчишь с комфортом. С папой безопасно, и я не буду переживать, что тебя умыкнут прямо с этого горного серпантина местные типа крутые парни.

Я поражённо вздыхаю, прикусывая язык. На самом его кончике вертится простое и ясное объяснение, но не могу же я сказать подруге, что её отец вызывает у меня совершенно не детский интерес!

– Глаш, ты помнишь, что мой папа совсем не какой-то старпёр? – Спасибо за очередное напоминание! – Он не станет укоризненно вздыхать, потому что дочка упростила его понянькаться с подружкой. Ему не влом тебя подвезти, а если бы это было накладно, он бы так и сказал, поверь. Поэтому не делай трагедию на пустом месте, а поезжай спокойно с папой и развлекитесь там от души!

Она шлёпает меня по заднице, подталкивая к выходу. Ой, чувствую ничего хорошего из этой поездки не выйдет, да только нет у меня видимых причин для отказа! А те, что есть, даже самой себе признать стыдно.

Я быстро переодеваюсь и распускаю косы. Непослушные кудри мгновенно рассыпаются во все стороны, но я бессильна с ними совладать. Цепляю на запястье резинку, перекладываю кошелёк и телефон в сумочку через плечо и выбегаю на улицу.

Машины Лютаевых нигде не видно, но я всё равно выхожу на дорогу. Спустя пару минут передо мной тормозит огромный внедорожник. Тонированное окно медленно ползёт вниз, но, вопреки моим ожиданиям, я вижу там не Илью Александровича.

На меня внимательно смотрит незнакомый огромный мужчина.

– Вам помочь? – спрашивает он.

– Нет, спасибо... – смущаюсь я, нервно переступая с ноги на ногу. – Я тут... жду.

– А, – усмехается он. – Соседка, значит?

Я киваю, не вдаваясь в подробности.

– Гульбаните, значит, – протягивает он. – Ну, если случится что, обращайтесь. Я прямо через заборчик живу, под литерой А. Меня Сергей Дмитрич зовут.

Я не успеваю ответить вежливостью, за моей спиной раздаётся клаксон. Сергей Дмитрич гудит в ответ и отъезжает в

сторону, коротко кивая на прощание. А его место занимает другой автомобиль, такой же огромный.

– Запрыгивай, – безэмоционально велит Лютаев, и я тороплюсь подчиниться. Забираюсь в этот танк, быстренько накидываю ремень безопасности, но не слышу характерного щелчка.

– Чёрт, что-то барахлит, зараза! – говорит он скорее себе, чем мне, ловко выхватывает у меня ремень, наклоняется чуть ниже и копошится.

Сердце делает огромный кульбит. Я чувствую на груди его дыхание. Частое, горячее, какое-то неровное, рваное, то замирающее, то делающее резкие глубокие вдохи, то вырывающееся огненным смерчем и врезающееся в меня.

Я медленно опускаю взгляд. Мне видно лоб, испещрённый тоненькой сеточкой морщин, длинные ресницы, слегка искривлённую на один бок перегородку носа.

Мягкий щелчок оповещает меня о том, что хозяину удалось совладать с ремнём, но почему-то Лютаев не торопится выпрямляться. Кожа век подрагивает из-за движений глаз, и я словно и вовсе перестаю дышать, когда понимаю, что мужчина разглядывает мою грудь. Смотрит прямо в небольшой вырез горловины, где виднеются вершины белёсых холмиков. Мне кажется, это длится бесконечно долго. Лютаев и моя грудь, и я, будто бы наблюдающая за ними со стороны.

Мне хочется спросить, что происходит, но язык не поворачивается. Однако упрямые губы издают какое-то неясное

шипение, и мужчина отмирает, резко выпрямляясь. Кажется, даже слегка краснеет. Я же вовсе становлюсь пунцовой.

Прикладываю ладони к горящим щекам, отбрасывая стеснение в сторону. Если я прямо сейчас не остыну, то могу воспламениться от малейшего движения по левую руку!

Лютаев плавно трогается с места, отсекая последнюю возможность отказаться от поездки.

– Поедем, красotka, кататься, – бросает он широко известную цитату.

– Я ножик с собой не брала, – нервно шучу я.

Мужчина удивлённо вскидывает на меня взгляд, смотрит в глаза крошечное мгновение, снова возвращает его на дорогу.

– А я и не изменял.

Моя нелепая шутка, намекающая, что мне знакома песня, уводит и так не клеющийся разговор в совершенно неправильное русло, но я решаю поставить точку, а не привычно замолкнуть:

– А я вам и не доверялась.

Лютаев усмехается:

– И то верно.

Мы проезжаем пропускной пункт, покидая коттеджный посёлок через шлагбаум, и я начинаю смотреть в окно. Водитель включает тихую музыку, в точности угадывая моё настроение. Впереди горный серпантин, деревья, посёлок, а дальше трасса, пролегающая в горах, город, море. От беско-

нечного кружения по дороге и от частого мелькания за окном стволов деревьев меня начинает мутить, и я прикрываю глаза.

Минут через сорок дорога выравнивается, но я не тороплюсь «просыпаться». Мне неловко рядом с Лютаевым, и я решаю прятаться от его внимания до победного. Но снова делаю неправильный выбор.

После короткой остановки – судя по звукам вокруг, он заехал на заправку – Илья Александрович покидает ненадолго салон, но я не решаюсь осмотреться. Вдруг он наблюдает? Какой же бред, Глаша!

Но бред или нет, а я упорно продолжаю сидеть с закрытыми глазами. Пока мужчина снова не хлопает дверцей, занимая водительское кресло. Пока воздух не наполняется ароматом кофе и сдобы. Пока его длинные пальцы не чертят невесомый узор по моей скуле, не заправляют за ухо непослушные вихры волос. Пока он аккуратно не сжимает мои пальцы в ладони.

Моё сердце замирает от нежности и лёгкости его движений. В них нет стеснения или неудобства. Словно он делал так уже тысячу раз!..

Я открываю глаза, утопая в ледяных озёрах.

– Уже приехали? – спрашиваю, чтобы не спросить *другое*.

Лютаев гладит мою руку большим пальцем, ещё раз сжимает чуть крепче и отпускает.

– Нет, соня. Но дальше крутых виражей на дороге уже не

будет.

– А... – протягиваю я, впрочем, не решаясь задать следующий вопрос.

Но он на него отвечает:

– Сейчас поедem через посёлок. Я решил, тебе будет интересно осмотреться, здесь довольно... мило. – Его губы подрагивают, словно он усиленно сдерживает улыбку. – А ещё я заскучал. Странно, знаешь ли, ехать в компании красивой девушки и постоянно молчать.

Я пропускаю мимо ушей очередной комплимент, протягиваю руку к картонной подставке на два стаканчика и спрашиваю:

– Какой для меня?

– Карамельный латте, круассан с миндалем.

Он выдаёт мне стакан и пышную сдобу.

– Наслаждайся, Аглая.

Он отпивает из второго стакана, облизывает губы. Я слежу за этим быстрым движением.

– Не думала, что наслаждение входит в программу маршрута до города, – говорю звонко, но словно кто-то другой, не я. Ведь я совсем не такая! Не флиртую со взрослыми мужчинами, с отцами своих подруг!

Лютаев снова отпивает горячий кофе, поворачивается и подмигивает мне:

– Этот отдых может принести тебе много *наслаждения*, стоит только довериться, Аглая...

Что?! Мне послышалось, или он реально сказал то, что сказал?

Кажется, я покрываюсь румянцем, ведь всё моё лицо пылает. Я смущённо отвожу взгляд, и мужчина тихо вздыхает.

– Я имею в виду, что тебе будет чуточку проще, если ты позволишь себе открыться и станешь более доверчивой к окружающим тебя людям. Может, они и не так сильно похожи на тебя, но, в конце концов, они просто молодые парни и девушки, такие же как и ты сама.

В его голосе проступают мягкие отеческие нотки, и мне хочется ударить себя по лицу. Вот же идиотка наивная! Неужели впрямь поверила, что взрослый мужчина может смотреть на меня с каким-то иным интересом, не как на подругу своей дочери? Что может флиртовать со мной?

От этого открытия я испытываю лёгкую досаду и разочарованно отвечаю ему:

– А если мне неинтересно с ними? Если меня не устраивает общение с юными парнями, которые позволяют себе *ощупывать* мою задницу во время танца, тогда как мы только познакомились? Если мне с этими юными девушками поговорить не о чем: они толком не учатся, не читают книг..?

– Это что за бессмертный у нас завёлся, тебя *ощупывать* вздумал? – незнамо с чего бесится Лютаев. Сводит вместе брови над покрасневшими глазами, и я решаю молчать. Ну просто на всякий случай.

– Это я так... Гипотетически, Илья Александрович!

– Гипотетически? – скептически повторяет он. – Смотри у меня, Аглая!

Мужчина касается кнопки зажигания и плавно трогается с места, поясняя более миролюбиво:

– В том плане, что, если какой-то неприятный тебе инцидент произойдёт в моём доме, ты можешь поделиться со мной.

Всё, что я слышу, это: *ты можешь наябедничать папочке своей подружки, Глаша*. Ага, бегу и спотыкаюсь! Ещё не хватало, чтобы из-за Лютаева меня чмырили до конца учёбы, и так проблем хватает!

Остаток пути проходит относительно спокойно, и вот наконец наша поездка подходит к концу.

Лютаев тормозит «где-то в центре», как я и просила. Но стоит мне лишь взяться за ручку дверцы, как он глухо подзывает меня:

– Аглая, не сочти, что я лезу не в своё дело, но когда ты планируешь возвращаться *домой*?

Кажется, моё сердце перестаёт биться. С чего я вообще решила, что отец Милены *засматривается* на меня? Вполне возможно, что всё это время Илья Александрович Лютаев *присматривался* ко мне, а теперь окончательно решил, что ему претит такое соседство и я отныне нежеланный гость в его доме!

– Я бы не хотел, чтобы ты возвращалась в посёлок своим ходом, – продолжает между тем мужчина, – это может быть

небезопасно для девушки, путешествующей в одиночестве. Если ты не будешь против, думаю, нам стоит обменяться номерами телефонов. Я позвоню, когда закончу с делами, ты сможешь набрать меня, когда нагуляешься, и мы скооперируемся для поездки обратно, в зависимости от того, что произойдет быстрее.

Я медленно облизываю пересохшие губы и глупо переспрашиваю:

– Обменяемся номерами?

– Чтобы вместе вернуться *домой*, – подтверждает кивком Лютаев.

– Хо... рошо, – согласно киваю в ответ.

«*Это просто знак вежливости, Глаша*, – успокаиваю себя мысленно, пока мужчина вбивает свой номер в телефонную книгу. – *Это совсем ничего не значит*».

– Ну вот и всё, дело сделано, – тихо говорит он, нажимая кнопку вызова. В это же мгновение по всему салону разлетается трель его телефона. – Можешь звонить мне по любому случаю.

– Да, спасибо, – отзываюсь в ответ, а сама думаю: «*Так уж и по любому?*». – Не думаю, что у меня возникнет необходимость звонка, но спасибо.

Лютаев поджимает губы, словно с трудом сдерживается от резкого высказывания или ругательства, но я торопливо прощаюсь с ним и наконец выхожу на улицу, стараясь не обращать внимания на ледяные стрелы его взгляда.

Оставшись в одиночестве, я не чувствую облегчения. Напротив. Пока я смотрю на исчезающую на горизонте машину Лютаева, во мне зреет тревога. Теперь всё внутри меня скручивается в напряжении *его* звонка. Сама я, ясное дело, никогда не решусь ему позвонить, пусть даже мне придётся истратить все свои сбережения на такси! Но, пока я хожу-брожу, разглядывая всё вокруг, я вздрагиваю от малейшего шороха телефона в кармане.

«Ну как? – пишет Милена. – Добрались? Веселитесь?»

Я устраиваюсь на лавке на центральной аллее «Ривьеры», несколько мгновений разглядываю вечнозелёные тисы, разноцветные батуты и карусели и набиваю ответ: «Добрались без приключений. Я гуляю и веселюсь, а твой отец уехал по делам».

«Здорово, погуляй там от души, но не стаптывай ноги. Завтра едем в горы.»

«Хорошо, если ты так решила.»

«Папа сказал, чтобы ты обратно возвращалась с ним? Я попросила его.»

Я закусываю губу. Снова очередная фантазия разлетается в пух и прах под действием неотвратимых фактов. Это Милена навязала отцу заботу обо мне. *Ничего личного.*

«Не стоило этого делать, Мил. Вряд ли в планы твоего папы входило нянчиться со мной, а я уже большая девочка и вполне могу добраться самостоятельно.»

«Я хотела как лучше, не будь такой токсичной.»

Я морщусь от этого дурацкого словечка, так горячо любимого моей подругой. Кто бы не вздумал думать или поступать наперекор её мнению, тут же обрастал этим ярлыком. Токсик. Токсичный. Вот и я «дослужилась» до этого звания.

«Я тоже всегда хочу как лучше, Милк. И в этом конкретном случае я не хочу создавать никому лишнего геморроя.»

«Я знаю, прости, ладно, Глаш? Но давай посмотрим на ситуацию с другой стороны: если ты пропадёшь – это настоящий геморрой, а доехать с папой, когда а) он не против; б) вам по пути; в) всем удобно; г) для тебя комфортно и безопасно... Мне продолжать? Так вот, всё это – воображаемый тобой геморрой.»

«Я поняла, ага. Смотри уже свой сериал и не отвлекай меня от прогулки!»

«Зануда.»

«Пока.»

«Пока.»

«Ты продолжаешь писать, потому что хочешь, чтобы последнее слово осталось за тобой?»

Я посмеиваюсь, ожидая её ответа. Уверена, так и есть. Милену сложно переговорить, практически невозможно переспорить и лучше никогда не вставать у неё на пути.

Телефон пиликает в руке, и я, не глядя на экран, открываю сообщение.

«Как дела? Не скучаешь? Не заблудилась?»

Илья Лютаев.

Вот как он подписал свой номер в моём телефоне. Интересно, как он подписал мой номер в своём?

«Угадала», – тут же прилетает от Миленки.

Подруга Милены, – проносится в голове, и я закрываю обе переписки, решительно поднимаясь с лавки. Но не успеваю я пройти и добрую сотню метров, как телефон пиликает снова.

«Если не будешь отвечать, мне придётся прервать свои скучные переговоры и отправиться на твои поиски.»

«Я просто не хотела отрывать вас от скучных переговоров, Илья Александрович. Со мной всё хорошо. Спасибо, что поинтересовались!»

Мой телефон замолкает, и я иду в направлении набережной. Солнце отражается в бурлящих волнах прибоя, разлетаясь тысячами алмазных брызг в разные стороны. Как жаль, что погода совершенно неподходящая для купания!

Я занимаю свободный шезлонг и вдыхаю вкусный морской воздух, углубляясь в чтение электронной книги. Сижусь так, пока пальцы не начинают покалывать от холода, и с удивлением отмечаю, что прошло уже практически два часа.

Разминая от долгого сидения в одной позе ноги, я поднимаюсь и медленно бреду по набережной, вдоль которой тянутся бесконечные торговые ряды, дохожу до морпорта. Сумерки постепенно начинают оседать на город, и я сворачиваю в сквер, уходя от прибрежной полосы. Любуясь жизнерадостными пальмами, я просто бреду куда глаза глядят. Впереди виднеются яркие вывески рекламных щитов на фасаде,

и я решаю зайти внутрь торгового центра. Я уже давно проголодалась, а там наверняка имеется ресторанный дворик.

Я пересекаю парковку, и именно в этот момент туда въезжает тёмный внедорожник. Он останавливается чётко на моём пути.

Лютаев грациозно выпрыгивает на асфальт и, по всей видимости, дожидается меня.

– Что это, если не судьба? – усмехается он мне.

– Злой рок? – предполагаю я.

Илья Александрович разряжается громким смехом, совершенно не стесняясь ничего и никого. На крошечное мгновение я любуюсь им: как он красив! Даже когда я точно знаю, что у него имеется двадцатилетняя дочь, мне сложно в это верить.

– Пока я скучал на встрече, вспомнил вдруг, что забыл купить подарок дочери. Поможешь с выбором?

– Смотря что вы рассчитываете ей подарить, – осторожно отвечаю ему. – Я не разбираюсь в моде и тому подобном.

– Я тоже, – подмигивает он мне. – Но ты хотя бы молодая и красивая женщина, значит, у нас есть хороший шанс не попасть впросак.

– На вашем месте я бы не была столь уверена, Илья Александрович, – остужаю его пыл.

– Так ты не женщина? – притворно ужасается он. Я знаю, что он шутит, но всё равно краснею. Я не женщина, но ему об этом знать ни к чему. – А кто же ты? Мужчина?

– Я имею в виду, что я, может, действительно, молодая и красивая *женщина*, но прогадать в выборе могу почище вашего.

– Тогда пойдём и проверим, – усмехается Лютаев. Его пальцы обхватывают мой локоток, не оставляя ни единого шанса затеряться в толпе. – Уверен, ты поможешь мне выбрать идеальный подарок для Милёнка.

Ах, да. На тот случай, если кто-то успел забыть, Илья Александрович всё ещё отец моей подруги. Главное, самой себе почаще об этом напоминать...

Глава 6.

Мы таскаемся по магазинам уже добрых полчаса. Лютаев критически осматривает платья, шубки, кожаные сумки, туфли, модные платочки и украшения, предложенные консультантами, спрашивает моего мнения и ведёт меня дальше. Я чувствую ноющую боль в желудке от голода, но продолжаю идти рядом с мужчиной, ведь его рука, кажется, намертво приклеилась к моему локтю.

Возможно, думается мне, что со стороны мы похожи на парочку. *Папик* и его молодая любовница в поисках сувениров из совместного отпуска.

Возможно, кто-то даже может счесть нас молодожёнами в медовом месяце.

Возможно, кто-нибудь решит, что он мой отец.

– Вынужден признать, это тяжелее, чем я рассчитывал. – признаётся мне Лютаев после десятого по счёту просмотра ассортимента товаров. – Здесь не такой богатый выбор магазинов.

– Почему вы просто не подарите Милене деньги? – спрашиваю я.

– Почему же не подарю? Подарю, конечно. Но видишь ли, в чём дело: она накупит шмоток, косметики, может, новый телефон. Или спустит их на клубы. Может, слетает куда-то отдохнуть. Ей будет приятно, безусловно. Но что она вспом-

нит о своём двадцатилетии?

– Что вы прилетели и провели день рождения с ней? – я пожимаю плечами.

Станный вопрос, как по мне. У Милены останутся либо шмотки, либо техника, либо воспоминания от поездки. Вряд ли она забудет папин подарок, сколько бы он не перевёл денег.

– С самого её рождения я дарю ей что-то особенное в этот день. – тихо говорит Лютаев. – Будь то белый плюшевый медвежонок, коллекционная барби, фарфоровая кукла, раритетная коляска... Моя дочка росла, но я неизменно дарил ей что-то такое, чтобы спустя десятки лет она могла взглянуть на подарок и сказать: «А эту игрушку-безделушка папа подарил, когда мне исполнилось десять лет!». Никогда не забывал подобрать подарок заблаговременно, а тут... закрутился, словом.

– Вы что, боитесь, что она... забудет про вас? – вырывается у меня. – Вы же понимаете, что это просто невозможно? Милка любит вас очень сильно, постоянно болтает про вас. Я хочу сказать, что она действительно привязана к вам и такая связь не заканчивается по щелчку пальцев. Когда вы прилетели, чтобы сделать ей сюрприз, она поначалу, конечно, смутилась, но было видно, как она рада вашему приезду.

– Ты очень хорошая подруга, Аглая. – решает перевести тему Илья Александрович. – Не буду скрывать, я много слышал о тебе от дочери, но даже помыслить не мог, что ты та-

кая...

«Какая?» – хочется спросить мне, но я не решаюсь.

– Смотри, кажется, этот небольшой магазинчик тоже ювелирная лавка. Судя по названию, не сетевой. Давай зайдём, может, найдётся чего стоящее.

Я уже не верю в успех сего предприятия: очередная лавка с побрякушками, которые Лютаев просканирует своим ледяным взглядом и отсеет, как ненужный хлам. Да и боль в желудке медленно, но верно, разгорается болезненным пеклом. Но едва я переступаю невысокий порог, как прямо мне в глаза бросается браслет: довольно широкий, собранный из десятков тонких аккуратных переплетений цепочек, усыпанных едва заметными блестящими камушками. Я застываю, глядя на этот браслет, и Лютаев застывает рядом.

– Здравствуйте! Давайте я покажу вам его поближе? – консультант подходит к нам и выставляет подставку с украшением на витрину. – Девятнадцать нитей плетения «восьмёрка», девятнадцать бриллиантов весом в 0,5 карат...

– Красивая безделушка, да, Аглая? – спрашивает Илья Александрович. Я только киваю. Завораживающее своим мерцающим блеском украшение слишком нравится мне, но совершенно не во вкусе Милены. Но получит его она. Никому и в голову не придёт дарить Глашке хотя бы тоненький браслет в одну нить, не говоря уже об этаким великолепии. Но я не завидую подруге, вовсе нет.

– Моей дочери исполняется двадцать, – говорит между

тем мой спутник консультанту. – И я хочу подобрать ей незабываемый подарок.

– Разве вам не понравился этот браслет? – кокетливо склоняется над витриной консультант, сверкая яркой помадой и глубоким – в рамках приличий – декольте своей белой рубашечки. – Вашей девочке он явно приглянулся. Да, милая?

Лютаев мельком смотрит на меня.

– Это не моя дочь. – говорит сухо. В глазах – непрошибаемая стена льда. Мужчина подходит ближе. Становится за моей спиной. Ненавязчиво касается пальцами моей талии. – Но *мы* удовольствием посмотрим, что ещё вы можете *нам* предложить.

К чести консультанта, она ни единым мускулом не показывает замешательства, которое испытываю я сама в этот момент.

Вот это лютаевское поведение что значит? Не решил ли он с моей помощью отстоять свои честь и достоинство перед женщиной, которая явно не прочь *осчастливить* его хотя бы на часок?

Пока она выставляет на толстое стекло перед нами всяческие украшения, я закрываю глаза. Горячее дыхание мужчины гуляет между колечками волос, расплзаясь от моей макушки по всей голове. Его пальцы подрагивают, соприкасаясь с моим телом. Время застывает и тянется словно сахарная нуга. Слишком сладко. Нереально.

Я чувствую, что прямо в это мгновение между нами про-

исходит... *что-то*. Что-то очень личное, даже интимное. Что-то, чему я пока не могу найти объяснение. Но мне это нравится. Или нет. Я не могу решить.

Лютаев чуть смещает руку. Его ладонь соскальзывает с талии и ложится на живот. Я невольно прогибаюсь в пояснице, касаясь ягодицами его крепких мускулистых бёдр, и краснею до кончиков ушей, когда лицо мужчины погружается в мои волосы.

Это похоже на лёгкий, невесомый поцелуй, который длится одно крошечное мгновение. Меньше, чем мне требуется времени, чтобы сделать вдох. Кусая губы, я обмираю от нежности, разливающейся внутри меня. А когда я выдыхаю, Илья Александрович мягко отстраняется и убирает свою руку.

Я не участвую в выборе подарка для Миленки. Просто не могу. Мысли блуждают где-то далеко от сознания. Механически киваю или качаю отрицательно головой, когда Лютаев спрашивает совета. И наконец эта пытка заканчивается. Кажется, он останавливает свой выбор на гарнитуре: кулон, серьги, браслет. Стильно, дорого, со вкусом.

В тот самый момент, когда он извлекает пластиковую карту, я разворачиваюсь от витрины, с которой меня дразнит браслет из девятнадцати нитей плетения «восьмёрка» и девятнадцати бриллиантов, и иду на негнущихся ногах по направлению к выходу из магазинчика. В ушах шумит, а во рту пересыхает. Очередной прилив резкой боли в желудке

заставляет меня едва ли не скрутиться пополам. Но мой локоть уже уверенно поддерживает лютаевская рука.

– Тише-тише, Аглайка, – мужчина притягивает меня к себе, разглядывая с беспокойством. – Что случилось? Где болит? Вызвать врача?

Я качаю головой и торопливо заверяю:

– Со мной всё в порядке. Просто обострение гастрита. Нужно что-то съесть, и мне станет лучше.

Он чуть хмурит брови, поджимает губы.

– Ты сегодня ела что-нибудь, кроме тостов и круассана?

– Нет, – отвечаю тоном провинившейся школьницы. Думаю, что сейчас Лютаев начнёт отчитывать меня, но он, кажется, только закатывает глаза.

– Тогда нужно срочно это исправить. Идём.

Он буквально тянет меня к выходу из торгового центра, до парковки, усаживает в машину. Я не сопротивляюсь. Почему-то во мне зреет уверенность, что он не воспримет всерьёз моё желание съесть бургер или кусок пиццы в ресторанном дворике магазина.

Через семь минут примерно мы останавливаемся на набережной, и Лютаев снова проделывает тот же номер: берёт меня за локоть и буквально тащит как на буксире в сторону ресторана с панорамным видом на морскую гладь.

Нас доводят до лучшего, на мой взгляд, столика, и вышколенный официант убирает табличку с надписью «Резерв». Илья Александрович ведёт себя невозмутимо, а я сгораю от

любопытства. Он, что же получается, заранее заказал столик в этом ресторане? Кого хотел сюда позвать? Почему привёл меня?

– Желаете выбрать сначала напитки? – вырывает меня из раздумий официант.

– Да, пожалуйста. – кивает мой спутник. – Минеральную воду с газом и лимоном, для девушки – травяной чай. Подайте, пожалуйста, сразу, а мы пока определимся с выбором блюд.

Когда официант удаляется, оставляя нас наедине... *с меняю*, я решаюсь поднять взгляд на мужчину напротив. Лютаев изучает меню, слегка щурясь вчитывается в строчки.

– Не хочешь чай? – неожиданно интересуется у меня, резко отрываясь от своего занятия. – Нужно было спросить, но это первое, что пришло мне в голову, что может облегчить твои боли.

Я ничего не отвечаю, утыкаясь в меню. От расценок глаза на лоб лезут, и я выбираю самое недорогое: рис, овощи на гриле, шашлычок из куриной грудки, что и озвучиваю мужчине.

Илья Александрович странно хмыкает себе под нос, а когда официант возвращается, выставляя на столик напитки, и наливает мне чаю, тыкает пальцем в картинки в меню, делая заказ, пока я, уткнувшись носом в ароматную чашку, любуюсь видом из окна.

– Придётся подождать минут тридцать, но это того стоит,

– обращается ко мне Лютаев, стоит нам только снова остаться одним.

– Хорошо. Спасибо. – смущаюсь я его пронзительного взгляда.

Ставлю чашку на блюде. От волнения не знаю, куда деть свои руки. Они так и остаются неловко лежать на белоснежной скатерти, и я смотрю на свои дрожащие пальцы, не решаясь смотреть на мужчину.

Илья Александрович накрывает мою руку ладонью и бережно сжимает.

– Не волнуйся, время пролетит быстро. Ты и оглянуться не успеешь, как еда будет на столе и тебе больше не придётся мучиться от болей из-за голода.

Это последнее, что меня волнует. Разве не очевидно? Неужели этот взрослый и опытный мужчина не понимает, как действует на меня?

Я медленно поднимаю глаза, натываясь на его внимательный взгляд. Он словно сканирует меня, оценивает реакцию, мимику, жесты. Каждый вздох. Любое незначительное движение.

– Ты боишься меня, Аглая? – спрашивает он.

Хороший, надо признать, вопрос!

Боюсь ли я его? В классическом понимании нет, конечно. Меня пугает собственная реакция на мужчину, а не его близость. Меня пугают разгорающиеся чувства, то, что я испытываю рядом с ним, крамольные мысли наедине с собой. Ме-

ня не пугает он сам, но страшит то, что он может со мной сделать. *Позабавиться*. Причинить боль. Унизить. Оскорбить. И я не знаю, что подразумевает Лютаев под своим вопросом.

– В каком смысле? – уточняю у него прямо. И где только смелости набралась?

– В прямом. Ты так зажата, словно тебя безумно пугает моё присутствие. – так же прямо отвечает он. – Я не хочу, чтобы ты боялась, Аглая. Я не какой-то убийца и маньяк.

Он мягко улыбается, убирая свою руку.

– Я не боюсь вас, Илья Александрович, – неуверенно говорю ему. Во рту пересыхает, когда озвучиваю то, что мучает меня: – Скорее, не понимаю, что происходит *между нами*.

– А между нами что-то происходит? – удивлённо спрашивает он.

Смотрит серьёзно. В нём нет и намёка на улыбку. По крайней мере, он не собирается смеяться над моей глупостью и наивностью, и я немного успокаиваюсь. Делаю маленький глоток чая и медленно киваю.

– Однозначно. Но я не знаю, что, – признаюсь ему.

– Возможно, тебе будет проще, если ты перестанешь искать ответы и простопустишь всё на самотёк? И будь что будет? – предлагает он.

– Возможно, – соглашаюсь я. – Но это пугает меня.

Говорить отстранённо, словно не обо мне и не о нём вовсе, для меня странно и волнующе. Мне кажется, будто этот разговор на самом деле очень серьёзен. Совсем как его ледяные

глаза, сканирующие меня. И будто он значит для мужчины столь же много, сколько и для меня.

– В жизни вообще много пугающего, Аглая. Но ты не сможешь прятаться всю жизнь от всего, что тебя пугает. Когда ты доживёшь до моих лет, поймёшь, что жизнь всего одна и нужно брать от неё всё.

– Да, я слышала что-то такое: лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть, – протягиваю в ответ, и он кивает:

– С одной ремаркой: не жалею о сделанном. Наслаждайся каждым моментом жизни.

– Даже если это в итоге разобьёт моё сердце? – еле слышно спрашиваю я.

Вернувшийся официант избавляет Лютаева от необходимости отвечать, и мы прекращаем наш странный разговор. Зато теперь я в полном замешательстве смотрю на стол, заставленный чем угодно, только не моим скромным заказом!

– Я подумал, что сухую куриную грудку мы можем приготовить и дома, – подмигивает мне Илья Александрович. – А в хорошем ресторане можно отведать и морепродуктов.

На огромном блюде по центру стола приготовленные на гриле морские гады. Большинство из них я и в глаза-то не видела, поэтому боюсь пробовать, но Лютаев сам выкладывает понемногу параллельно на свою и на мою тарелку, добавляет цуккини, баклажаны и перец – тоже гриль, добавляет по горстке риса из пиалы и приступает к трапезе.

Несколько мгновений я не знаю, как подступить к изыс-

канным кушаньям, но мужчина ловко орудует обычными вилкой и ножом, игнорируя остальные приборы на столе, и я решаю поступить так же. Под одобрительным взглядом Ильи Александровича я подчищаю тарелку, без страха пробуя всё, что ест и он сам.

– Вкусно? – спрашивает мужчина в конце трапезы.

– Да, спасибо.

– У тебя осталось немного места для десерта? – кривовато улыбается он.

Я едва сдерживаю улыбку.

– Уверена, что ещё чуточку места точно осталось.

– Отлично.

Он подзывает официанта, заказывает что-то и просит счёт. Парень выносит десерт и ставит передо мной. Всего один. Мой спутник слегка кивает в сторону тарелки, и я пробую кусочек. Невесомый штрудель и аккуратный шарик ванильного пломбира, посыпанного идеальной шоколадной стружкой. Сочетание тёплого и холодного, кислого и сладкого взрывается во рту, доставляя настоящее удовольствие от лакомства. Я даже зажмуриваюсь и улыбаюсь, не в силах сдержать это маленькое счастье. Никогда не пробовала ничего вкуснее!

– Рад, что тебе понравилось, – вырывает меня из сладкой неги голос Лютаева. – Боялся не угодить.

Он сидит, откинувшись на мягкую спинку стула, и не сводит с меня своих глаз. Я смущённо ёрзаю. И зачем так при-

стально наблюдать за тем, как кто-то ест? Так и подавиться недолго!

– Это очень вкусно, спасибо. – благодарю его. – А почему вы не заказали десерт для себя?

– Я равнодушен к сладкому, – признаётся он.

– Я тоже не ярый фанат сластей, но здесь приторный вкус пломбира с шоколадом в достаточной мере разбавлен кислинкой от выпечки. Выходит просто идеально вкусно! – тараторю я, отламывая вилочкой кусочек сдобы. Добавляю пломбир и поджимаю губы, решаясь на невиданную ранее глупость. – Вы должны попробовать.

Дрожащей рукой тянусь через столик к его губам. Не представляю, что буду чувствовать, если он откажется! Как глупо буду выглядеть в его глазах, в своих собственных. Что же ты творишь, Глаша?! Просто идиотка!

Но Илья Александрович лишь подаётся вперёд, навстречу моей руке, открывает рот и сметает предложенный мной десерт. Он внимательно смотрит в мои глаза, ни на секунду не отрываясь. Его зрачки чуть расширяются, и мужчина говорит:

– Ты права. Он великолепен.

Я нервно выдыхаю. Чтобы унять хоть на мгновение панику в своих мыслях, подхватываю кусочек и начинаю смаковать. А следующую порцию снова предлагаю мужчине. И он не отказывается.

Я стараюсь не думать, а просто *делать и не жалеть*. Мне

нравится происходящее здесь и сейчас. Мне нравится делить один десерт на двоих с ним. Всё остальное я додумаю позже. Если, конечно, решусь.

Сколько бы это не длилось, а всё равно подходит к концу. Десерт исчезает с тарелки, и я с небольшим сожалением откладываю вилку в сторону.

– Хочешь ещё? – поддразнивает Лютаев. Судя по виду, он пребывает в отличном настроении. Но я прекрасно знаю, что он уже оплатил счёт, поэтому не решаюсь больше задерживать мужчину.

– Нет, спасибо. Можем ехать.

Он поднимается первым, огибает стол. Берёт меня за руку, помогая встать. Я выпрямляюсь перед ним. Он склоняет голову к моему лицу. Сердце того и гляди из груди выскочит!

– Спасибо за прекрасный вечер, Аглая, – хрипло говорит Лютаев. Скорее, бормочет. Или мне так кажется из-за шума крови в ушах от адреналина, испытываемого в это мгновение?

– И вам спасибо, Илья Александрович. – говорю непослушными губами. – Мне тоже всё понравилось.

Он улыбается, медленно отстраняясь от меня, и я испытываю маленькую толику сожаления. Больше всего мне хотелось бы, чтобы он сейчас меня поцеловал.

Глава 7.

Дорога домой проходит под тихую мелодию и непринуждённую беседу. Мы перебрасываемся незначительными фразами о музыке, литературе, фильмах. Лютаев рассказывает о посещённой недавно выставке современного искусства в Ницце, а я испытываю приступ глупой и наивной грусти, вспоминая слова Милены. У её отца *отношения*. Его девушка – модель и блогер. Тиана Урбан. Красивая, ухоженная, популярная. Он сделал ей *предложение*. Он водит её на свидания во все эти рестораны, на модные выставки, проводит с ней вечера и выходные. Господи, о чём я думаю? О чём могу мечтать? Где я, а где Тиана?!

– Аглая, тебе снова плохо? – озадаченно спрашивает Лютаев, вклиниваясь в мои переживания насчёт него же.

– Нет, – качаю головой, закусывая губу. – Всё *нормально*. Думаю, я просто устала. Столько всего вокруг, в мыслях...

– Понимаю. – Его рука на мгновение покидает руль, ложится на моё колено и коротко сжимает его. – Жизнь всё расставит по своим местам, не сомневайся.

Я ещё чувствую тепло прикосновения, хотя тело уже прошибает озноб, стоит только мужчине вернуть свою руку на руль. Так ощущаются фантомные боли? Когда ты помнишь, чувствуешь всё в малейших подробностях, но этого на самом деле нет?

Если хорошенько разобраться, то мы имеем:

а) я влюбилась в отца своей подруги;

б) он собирается жениться на французской моделечке;

в) он ничего мне не обещал и даже ни на что не намекал.

Я в большой беде. Ничего из вышеперечисленного не может считаться хорошей новостью. Я влюбилась в почти женатого отца своей подруги. Я!!! Которая даже целоваться толком не умею!

У меня нет ни капельки сомнений, что это именно влюблённость. Разве я могла впервые испытать это к однокурснику, мажору, любому подходящему кандидату? Хотя к кому-то, кто не является совершенно неподходящим для этого Лютаевым? Конечно, нет.

Словно сама нечистая столкнула нас лбами, держит за головы и кричит: «Целуйтесь!», и это желание зудит во мне.

Стоит только закрыть глаза, мне представляются горячие губы в обрамлении жёстких волосков. Как это будет ощущаться? Будет ли мне противно, когда борода соприкоснётся с чувствительной кожей лица? А его поцелуй? Каким он будет: жёстким и напористым, требовательным? Или же мягким и нежным?

Мне нельзя об этом думать! Мечтать о поцелуях Лютаева это уже совсем ни в какие ворота! Интересно, все влюблённые девушки такие глупые?

Мысль о собственной глупости забавным образом не злит, а веселит меня, и я издаю тихий смешок. Илья Александров-

вич скашивает взгляд на меня и спрашивает:

– Не поделишься, что там у тебя в голове такого смешного?

Я краснею и выдавливаю:

– Да так, подумалась какая-то *глупость*, это не стоит вашего внимания.

Хорошо, что в салоне – и за окном – давно темно, иначе, уверена, Лютаев легко прочёл бы все мои непотребные мыслишки!

– Хмм, – мне чудится недовольство в его неоднозначном покашливании. – И всё-таки как-нибудь потом обязательно расскажи. Руку готов дать на отсечение: мне *понравится*!

Он усмехается, словно точно знает, о чём я думала несколько минут назад.

Лютаев тормозит и глушит мотор. Не сразу я понимаю, что мы на месте. Долгая дорога домой оказалась слишком короткой, но я продолжаю сидеть в машине, как и Лютаев.

Я смотрю на свои руки, аккуратно сложенные на коленях, на ровные миндалевидные ногти, покрытые прозрачным лаком, на тоненькие белёсые полумесяцы на их концах. Непослушные волосы закрывают мне обзор, но почему-то я уверена, что мужчина смотрит на меня. Не решаюсь проверить.

Лёгкое дуновение ветерка касается кудрявых прядей за мгновение до лютаевских пальцев, а в следующее – он заправляет волосы мне за ухо и гладит твёрдыми костяшками мою скулу.

– Думаю, нам стоит пойти внутрь, – тихо говорит мужчина. – Милена наверняка слышала, что мы вернулись, и...

– Да, вы правы. – резко выдыхаю, отстраняясь от него.

Нервно дёргаю ремень безопасности, пытаюсь отстегнуть-ся, но его снова заклинило. Как не вовремя!

Лютаев накрывает и сжимает мою руку.

– Аглая, Аглайка, погоди. – Он убирает мои пальцы с фиксатора и сам отстёгивает меня. Я смотрю на его губы, полные и мягкие, которые мне до невыносимого отчаяния хочется попробовать на вкус, даже несмотря на густую бороду, его возраст, наличие дочери – моей подруги – и почти-жены-модели, и почти пропускаю следующую фразу мужчины мимо ушей: – Вот так. Спешка ни к чему ни в одном деле. *Ни в одном*, понимаешь?

Наверное, мне хочется верить, что его слова содержат вполне конкретный подтекст, и я верю. Верю и успокаиваюсь.

Облизываю губы. Медленно веду по ним языком, с удивлением наблюдая за реакцией Лютаева, с жадностью разглядывающего это движение, и киваю:

– Понимаю. Спасибо за вечер, Илья Александрович. Спасибо, что подвезли.

– Всегда рад, – отвечает он, улыбаясь одними губами. В глазах снова прочно обосновался лёд.

Мы покидаем салон практически синхронно, входим в тёмную тишину дома, словно пустующего, и удивлённо пе-

реглядываемся.

– Неужели все уже пошли спать? – усмехается Лютаев, и я пожимаю плечами.

Стараюсь не смотреть, как он изучающе блуждает по комнатам, но глаза то и дело очерчивают мускулистую спину, перекатывающиеся под рубашкой бицепсы, трицепсы и прочие «цепсы», опускаются на крепкие бёдра, идеальный мужской упругий зад, вызывая нешуточные волнения внутри меня.

– Я пойду к себе, – пишу я его спине и сбегая, чтобы больше не глазеть.

На лестнице встречаю сонную Миленку.

– О, Глаш, приветик, – подруга звонко чмокает мою щёку. – Хорошо погуляла? Папа тебя забрал?

– Привет, *замечательно*, да и да. – отчитываюсь я. – Вы все спите что ли?

– Ага, – зевает она. – Легли пораньше, завтра на трассу с утра поедем, пока народу не слишком много. Так что, подъём в шесть, завтрак в семь и выезжаем. А где папа то?

– Так внизу инспектирует, – хихикаю я, и подруга закатывает глаза.

– Милёнок, вот ты где! – доносится снизу, и торопливые шаги по ступенькам снова приносят недостижимого Лютаева в пределы моей досягаемости. – На завтра всё в силе?

– Да, как договаривались, – Милка обнимает отца. – Всё хорошо, папуль?

– Всё просто *замечательно*, – заверяет он, и я ничего не

могу поделаться с расползающейся по лицу улыбкой.

– У тебя замечательно, у Глаши тоже замечательно, – протягивает Миленка, снова несдержанно зевая. – Раз у вас обоих всё замечательно и вы замечательно провели время в городе, то я иду пить и спать.

Подруга, продолжая обнимать отца, тянет меня к себе второй рукой, целует мою щёку, потом щёку Лютаева и, словно по волшебству, исчезает, оставляя нас стоять на лестнице в опасной близости.

Илья Александрович жестом показывает, чтобы я проходила вперёд, и я иду, чувствуя, как прожигает поясницу обжигающе-ледяным взглядом.

Перед дверью я на мгновение торможу и, не поворачиваясь лицом к мужчине, тихо говорю:

– Спокойной ночи, Илья Александрович.

– Сладких снов, Аглая.

Утром так ярко светит солнце, и я почти сразу забываю, что мне удалось поспать от силы часа три. Поначалу я долго ворочалась, пытаюсь улечься поудобнее. Хотя кого я обманываю?

Я слушала шум воды в душе, отсчитывая минуты, пока он не затихнет. Долго репетировала реакцию, *словно я не рассчитывала застать его в общей ванной*, но так и не решилась войти. Потом я корила себя почём зря и долго вертелась в холодной постели, возмущённая собственным поведением. И причина всему этому была очень проста: Лютаев не

закрыл дверь из моей комнаты. Я точно уверена: сколько бы я не прислушивалась к тихим шорохам за стеной, а так и не услышала характерного щелчка замка.

Я спускаюсь к завтраку одной из последних, зато уже полностью одетая к выходу, что позволяет мне спокойно выпить кофе и съесть пару сложных сэндвичей. Понятия не имею, чем Миленка планирует заняться сегодня, но судя по экипировке, которую подруга оставила для меня на видном месте, пока я спала, это уже внушает мне нешуточные опасения. Горнолыжный костюм мне чуть великоват – Милена выше и фигуристей, но выбирать не приходится. Ничего подобного в моём собственном гардеробе всё равно не имеется. Да и на лыжах я стояла крайний раз два года назад, на уроках физкультуры в школе. У меня и тогда наблюдались проблемы с координацией, и теперь мне слабо представляется, как я смогу совладать с горными лыжами или сноубордом на настоящем склоне.

Милена сказала: «Посмотришь и примешь решение», но сейчас мне не хочется даже смотреть. Зачем лишний раз показывать подруге и каждому в компании Миленки, а главное, доказывать себе, какая я неумеха?

– Готова, Глаш? – целует мою макушку Милка, и я торопливо допиваю кофе.

– Нет.

Подруга заливается смехом, думая, что я шучу, но я ведь вовсе не шучу. Это она и её друзья выросли на склоне Швей-

царских Альп, а, максимальная высота, которую я брала, это полуметровая горка в овражке в нашем местном лесу. В равнинной местности центральной России особо не разгуляешься.

– Не паникуй, Глаш, там и без катания есть чем заняться. – успокаивает Милка. – На худой конец покатаешься на канатных дорогах и насладишься великолепным видом. Книжку возьми. Только представь, как сидишь с книжкой, попивая кофе с панорамным видом на вершине 2320 метров!

– Честно, не представляю! – зачарованно отвечаю ей, отпуская все тревоги.

– Тогда беги за книжкой и выезжаем! – улыбается она.

На придомовой дорожке нас уже ждёт микроавтобус. Конечно, разместить такую огромную толпу по такси нереально! Я занимаю место в самом начале, усаживаясь у окошка, разглядываю каждого входящего. Место рядом со мной остаётся пустым. Миленка с Петрушей садятся через проход. Я почти испытываю разочарование, когда подруга говорит водителю:

– Ещё пару минут, дождёмся моего отца, и поедem.

Я откидываюсь на спинку сиденья, прикрываю глаза. Чуть улыбаюсь, когда чувствую движение слева, а соседнее кресло продавливается от тяжести устроившегося рядом человека.

– Ну привет, Аглая, – тихо обдаёт меня мятным дыханием Лютаев. – Сегодня ещё не виделись.

Я слегка поворачиваю голову вбок, распахиваю глаза, уже

не пытаюсь сдержать улыбку.

– Доброе утро, Илья Александрович.

Мы смотрим друг другу в глаза и улыбаемся. Мир вокруг исчезает, перестаёт иметь значение, сужаясь до ледяных, исчезающих сотнями солнечных зайчиков глаз.

Микроавтобус трогается с места, навстречу приключениям, которые беспокоили меня всего каких-то несколько минут назад, но больше не беспокоят.

У меня есть заботы поважнее. Например, пальцы Лютаева, лежащие на мягкой подушке сиденья, в считанных миллиметрах от моих. Его длинные ресницы, отбрасывающие тени от каждого скользящего по мне движения глаз. Его обалденная улыбка в густой ухоженной бороде. Лучики морщин. Десятки веснушек. Выбритые виски под вязаной шапочкой бини.

На очередном повороте мы подсакиваем на дорожной кочке, и самые кончики наших пальцев соприкасаются. Этот крохотный контакт вызывает во мне невообразимую бурю эмоций. Я чувствую, как вся покрываюсь гусиной кожей, и закусываю губу.

Лютаев медленно опускает взгляд от моих глаз на губы. Оглаживает пальцами мои блестящие ногти, пальцы, всю кисть, пока наконец не берёт её в свою руку, накрывая второй ладонью, и не прикрывает глаза.

Я веду себя тихо, словно мышка, боясь спугнуть это мгновение и привлечь к нам ненужное внимание. Периодически

бросая взгляды на Миленку, я думаю, видно ли с её места, за широкой спиной отца, то, что происходит между нами? Но Милена, даже если и перехватывает мой взгляд, оторвавшись от поцелуев со своим парнем, лишь ободряюще улыбается мне в ответ, никоим образом не показывая, что её что-то напрягает.

Мы доезжаем до горнолыжного курорта довольно быстро, ещё быстрее весь честной народ разбредается по подъёмникам – в отличие от меня, им и местность знакома, и давно составлен план. Рядом со мной остаются сама Милена, Петруша, французская четвёрка и Лютаев.

– Ну что, пап? На Розу Пик? – с нетерпением спрашивает Милка, пока я озираюсь по сторонам.

Думаю даже предложить им такой вариант: пока они будут покорять трассы, я погуляю здесь. Пройдусь по выложенной брусчаткой набережной реки, полюбуюсь самым необычным селом, в котором мне когда-либо доводилось и доведётся побывать. Но с другой стороны, у меня ещё будет время для прогулки здесь, от коттеджного посёлка меньше часа езды. А вот на подъёмники и горные карусели одна пойти не рискну. Поэтому, бросая последний взгляд на стильные постройки, я плетусь за своей группой.

Милена разглядывает карту с маршрутами трасс, что-то обсуждает с отцом, Петя занимается тем же с Филиппом и Венсаном, а Миа с Лаурой слушают то одних, то других, очевидно, выбирая к кому и на какой трассе примкнуть. Мне

выбирать нечего. Полюбуюсь белоснежными вершинами и видом на горизонт, утопающий в красках поздней осени, прогуляюсь по горным тропкам, почитаю книгу в кафе, но ни за что не встану на лыжи.

– Так, – берёт на себя бразды правления этой маленькой толпой подданных Миленка, – нам несказанно повезло. В этом году рано лёг снег, и уже открыты почти все трассы. Поэтому предлагаю подняться уже наконец, а по ходу выберем маршрут.

Мы устраиваемся в закрытой кабинке подъёмника, и мне становится не по себе. Я с тревогой смотрю вниз, на удаляющуюся землю и дома. От плавного покачивания этой болтающейся в воздухе на сомнительном тросе капсулы сердце взлетает к самому горлу и отдаётся громким стуком в ушах. Ослеплённая от страха я не слышу ничего из разговоров моих спутников. Где они собираются кататься? Здесь кругом лишь пожухлая трава да деревья!

Но вскоре обстановка меняется. Склон, покрытый невозможно белым снегом, искрится на солнце. Кажется, словно я попала в дивную сказку. Меня всё ещё страшит поездка, но теперь я с любопытством разглядываю пока ещё редкие фигуры лыжников и сноубордистов. И чем больше их становится, тем явнее я понимаю, что мы близки к конечной станции.

Но я ошибаюсь. Это, скорее, пересадочный пункт, и мы занимаем точно такую же кибитку, которая поднимает нас ещё выше. Меня начинает мутить. То ли от волнения, то ли

от давления на высоте виски сдавливают от боли, а к горлу подкатывает тошнота. Ни позитивный настрой моих друзей, ни их беспечная болтовня, ни частые взгляды Лютаева, сидящего в противоположном углу, не могут отвлечь меня от страха сорваться вниз и погибнуть в этой коробке.

Я радуюсь, когда мы прибываем на очередную станцию. Но, как оказывается, радуюсь я рано.

Пока Милена с Петрушей уверенно шествуют с приятелями из Франции в сторону очередного маршрута канатной дороги, я обречённо прослеживаю натяжение канатов.

– Осталось примерно полтора километра, – успокаивает меня Илья Александрович. – Что-то ты сегодня больно притихшая.

– Я никогда прежде не бывала в горах, – пожимаю плечами. – Возможно, у меня горная болезнь.

Нам не удаётся развить тему. Слишком быстро мы занимаем новую кабинку, которая несёт нас ввысь. Теперь рядом со мной садится Лютаев и мне некогда паниковать.

При своей дочери он, конечно, не позволяет себе ничего *такого*, но сам факт его присутствия, сам факт, что он безмолвно поддерживает меня, значит много. Очень много.

Наконец наш подъём подходит к завершению.

– Здесь есть смотровая площадка, ресторанчик, всякие развлечения, – говорит мне Милка, пока ребята во главе с Лютаевым идут арендовать снаряжение. – Ты можешь спуститься на вот этом подъёмнике к водопадам.

Она показывает на очередную станцию, и я смотрю на канаты. На них нет кабинок. На них просто диваны. Я испытываю ужас только от одного вида!

– Нет! – нервно говорю подруге. – Не хочу смотреть водопады. Я буду здесь. Погуляю, *развлекусь* как-нибудь, не переживай за меня.

– Ну как знаешь, – пожимает она плечами. – Вообще там очень красиво.

– Как-нибудь в другой раз, – миролюбиво отвечаю Милке.

– Мы покатаемся часа два-три, и я тебе позвоню. А ты развлекайся на полную катушку!

– Договорились! – смеюсь я.

– Так, Милёнок, иди переодевайся, я обо всём договорился. – издалека начинает Лютаев, быстрым шагом приближаясь к нам.

– А ты, пап, не едешь? – капризно протягивает она.

– Прости, Милёнок, – мягко улыбается ей мужчина. – Возникли некоторые сложности, хочу всё урегулировать сам.

– Ну ладно, – веселеет подруга. – Тебе же не помешает Аглая? Думаю, всем будет комфортно, если ты присмотришь за ней и развлечёшь, чтобы она не заскучала!

Глава 8.

Посмеиваясь и постоянно оглядываясь на нас, Миленка бежит в сторону пункта аренды.

– Вот же... егоза, – качает головой Лютаев, переводя взгляд на меня.

– За мной не нужно приглядывать, – быстро заверяю его.
– И развлекать меня тоже не надо.

– Да? – хмыкает он. – А я только решил насладиться красивым видом в компании прекрасной девушки.

– А ваши дела?..

– Нужно же было придумать что-то, – пожимает он плечами, а я с лёгкостью додумываю продолжение фразы.

«...чтобы моя дочь не узнала, что я решил поиграть с её подругой. Чтобы она не растрепала это моей невесте. Чтобы никто не узнал о моём маленьком грязном секретике...»

Я не питаю никаких иллюзий на его счёт. Знаю прекрасно, *чегоему* может быть нужно. Ради чего все эти недомолвки, искусная игра в кошки-мышки. Разве может быть иначе? Разве может мужчина, подобный Лютаеву, на полном серьёзе так вести себя с кем-то, кто ничего из себя не представляет? Разве придёт такому мужчине в голову на самом деле пытаться рассмотреть во мне женщину? На тихоню Глашку никто не станет засматриваться!

Тут же натыкаюсь взглядом на мужика, который, не скры-

вая интереса, смотрит на меня.

Ну ладно! Разве что такие! Но не Лютаев.

– Аглайка, ты так сосредоточенно о чём-то размышляешь, словно точно знаешь, что где-то здесь зарыт клад! – смеётся Илья Александрович, подхватывая мою руку. – Отставить все мысли в сторону! Пойдём любоваться видом!

Мне легко удаётся представить, что всё это происходит на самом деле. Более того, мне хочется заблуждаться на этот счёт. Сколько раз я буду душой после этого? Миллион? Десять? Какая разница, если сейчас я так счастлива и прекрасно отдаю себе отчёт, что у нас нет никакого будущего? А раз так, могу я насладиться его игрой?..

– Аглая, я серьёзно, – тянет меня ближе Лютаев. – Перестань думать.

– А если я не могу?

– А ты постарайся. – передразнивает он. – Мне нравится просто наслаждаться тем, что я имею в это мгновение, и смотреть на то, куда это может меня привести.

Мне хочется спросить, что это значит, но я не решаюсь. Несмотря на здоровое понимание и принятие ситуации, всегда страшно узнать наверняка.

– И вы предлагаете мне наслаждаться тем, что имею в это мгновение? – спрашиваю вместо этого.

– Да. – кивает он. – Можем попробовать делать это вместе.

– Ладно, – протягиваю тихо. – Можно попробовать.

Мужчина ничего не отвечает, лишь чуть сильнее сжимает

мои пальцы в ладони и уверенно продолжает своё движение, пока я иду за ним, как на буксире.

У меня пересыхает во рту. Пожалуйста, скажите, что я только что не дала согласие на... А на что, собственно?

Он старше меня вдвое. Он почти женат. Он – отец моей подруги. Он баснословно богат, как мне и не снилось. Мы словно с разных планет.

Но прямо сейчас, здесь, на высоте 2320 метров, на смотровой площадке с великолепным видом, от которого мне хочется плакать, мы по глупой иронии судьбы оказались *вместе*.

Лютаев тормозит, тянет меня вперёд, заключает в кольцо рук. Передо мной весьма хлипенькое, на мой взгляд, ограждение, красивые заснеженные вершины и хребты кажущихся бесконечными гор. Я стараюсь не смотреть вправо, на качели над пропастью, на длинный подвесной мост. Чего людям не хватает в жизни, что они решаются на подобное?

– Хочешь попробовать? – озадаченно спрашивает Илья Александрович прямо в моё ухо.

Его борода, едва касаясь моей щеки, ощущается как мягкая губка. Сердце взмывает вверх, отдаваясь частой дробью, и перед глазами темнеет, но вовсе не из-за страха. Он ждёт ответа, и я отрицательно качаю головой.

– Не думаю, что решусь. Я не фанат такого рода развлечений.

Лютаев усмехается где-то в районе моего виска.

– Почему-то другого я и не ожидал.

Не понимаю, хорошо это или плохо? Как и не понимаю, какого чёрта вообще происходит. Но продолжаю стоять, прижимаясь к сильному мужскому телу, надёжно удерживаемая кольцом его рук.

Не знаю, сколько проходит времени. Мне кажется, оно и вовсе застывает и перестаёт иметь смысл. Лишь вокруг нас сменяются люди, да переключаются темы для беседы. Лютаев расспрашивает меня о семье – о ней я рассказываю вскользь, об учёбе – здесь я тараторю без умолку, о моей подработке, о личной жизни – об этом я говорю мужчине в двух скупых предложениях. Сам же Илья Александрович говорит о многом... и ничего о личном. В принципе, он вообще не обязан со мной говорить, стоять рядом, обнимать вот так бережно у самого края смотровой площадки, словно боится, что я перешагну через ограничительный заборчик и кинусь с обрыва. Он должен съезжать со склонов в компании своей дочери, а не вести себя так, словно ему есть дело до тихони Глашки!

Но меж тем мне приятна его компания. Он вежлив, учтив, бережен. Красивый мужчина, интересный собеседник. С Лютаевым у меня не возникает чувства дискомфорта. С ним можно поговорить обо всём на свете. В отличие от моих ровесников, Илья Александрович не отшучивается на провокационные вопросы и никуда не посылает, если не знает ответа. Возможно, потому что я пока не нашла такого вопроса,

на который он бы не знал ответа?

– Готова идти? – неожиданно спрашивает Лютаев.

– Нам уже пора? – протягиваю разочарованно, и он усмехается.

– Нет, нам ещё не пора. Я решил, что нам стоит прогуляться, пока ты не превратилась в маленькую ледышку, но если ты хочешь ещё полюбоваться видом...

– Нет, – перебиваю его. – Давайте погуляем.

– Можем спуститься к водопадам, – предлагает Лютаев.

– Нет, спасибо, – отказываюсь застенчиво.

– Что так? Несмотря на выпавший снег, горная река ещё не должна была замёрзнуть, если ты переживаешь об этом. Там слишком быстрое течение, так что, вполне вероятно, что мы не потеряем время зря.

Я ещё раз смотрю на подъёмник, и Лютаев перехватывает мой взгляд.

– Ты боишься ехать? – догадывается он. Я хмуро киваю. – Это нормально, особенно, впервые. Но тебе абсолютно не о чем переживать, ведь я буду с тобой и помогу тебе преодолеть этот страх.

– Не уверена, что это хорошая идея, – возражаю ему.

– Что именно тебя пугает?

– Ну не знаю... – я закусываю губу, не желая признаваться в своих глупых страхах. – Боюсь, что эта штука оторвётся от троса и я разобьюсь?

Мужчина разряжается громким смехом.

– Ну и выдумщица ты, Аглая! Такое только в ужастиках бывает! Идём.

Он подхватывает мою руку и тащит в сторону станции канатной дороги. Внутри всё холодеет, как только я вижу этот приближающийся *диван*.

– Я... не могу, Илья Александрович, – шепчу я, пятась назад.

– Можешь, – тихо успокаивает он. Обхватывает мои плечи, несильно сжимая. – Тебе ничего не угрожает. Нечего бояться. Я буду рядом. Эта штука ни за что на свете не развалится, слышишь?

Я часто дышу и мелко киваю. Боже, ну почему я просто не могу сказать ему своё твёрдое «нет»?! Почему позволяю тащить куда-то?

Но эти вопросы приходят с запозданием. Лишь после того, как мы устраиваемся на мягкой сидухе и Лютаев ловко щёлкает защитным ограничителем. Слово во сне смотрю под ноги и крепко зажмуриваюсь, стоит только нам покинуть пределы станции. Не могу смотреть на ошарашивающую высоту. Она вызывает у меня онемение, животный ужас. На тоненькой подставке ноги начинают трястись, и Лютаев накрывает ладонью моё колено.

– Аглая, всё хорошо. – уверенным голосом говорит мне. – Посмотри на меня. Всё хорошо.

Я нехотя приоткрываю глаза, натываясь на взгляд Лютаева.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен. – усмехается он. – Мы не разобьёмся. Спустимся вниз, погуляем немного, поднимемся снова наверх. Всё будет хорошо.

– Хорошо, – киваю я.

– Хорошо, – улыбается мужчина.

Он рассказывает мне о своей первой поездке на подъёмнике, и я подозреваю, что большая часть этой истории – чистый вымысел, чтобы я перестала думать о всевозможных ужасах, которые могут случиться. И, надо признать, ему это удаётся. На короткое мгновение я забываю о том, где нахожусь, и даже тихонько смеюсь над его рассказом. Но ровно до того момента, как приходит время сойти на нижней станции.

Я понимаю, что скорость движения незначительна, что я успею сделать десяток шагов, не то что парочку, но ноги не слушаются, а сердце снова оглушающе взмывает к горлу.

– Аглая, всё в порядке, – крепко сжимает мою руку Лютаев. – Обещаю, я рядом.

Он ловко ступает на бетонную поверхность пола станции, тянет меня за руку, и я спрыгиваю с диванчика, торопливо делаю шаг вперёд, но мои непослушные ноги заплетаются и я падаю по направлению движения... прямо в надёжные объятия Лютаева.

Мужчина посмеивается и оттягивает меня в сторону, пытаясь к стене, подальше отдвигающихся на канатах диванов. Наклоняется к моему лицу, слишком близко, согревая дыха-

нием, и еле слышно шепчет:

– Ты очаровательна даже в своей неуклюжести, Аглая. Особенно, в ней.

У меня шумит в ушах. Сердце, кажется, сейчас просто вырвется из груди и пустится в пляс. Лютаев стремительно сокращает расстояние между нами, и я стреляю глазами по сторонам, пытаюсь запомнить получше место нашего первого поцелуя. То, что именно он произойдёт дальше, не оставляет у меня никаких сомнений. Я точно знаю это. *Предчувствую.*

Но в это же мгновение я натываюсь взглядом на Бориса с Ниной, которые стоят с лыжами в ожидании свободного дивана подъёмника и с любопытством смотрят на нас с Лютаевым.

«А Тихоня целовалась с твоим отцом!» – такой будет первая новость для Милены, едва мы все встретимся в ресторане на вершине. Подруга разочарованно посмотрит на меня и никогда не простит за связь с её любимым папочкой. По универу пойдут слухи, и больше некому будет меня от них защитить и уберечь. Миленку поддержат все, и оставшиеся годы обучения превратятся для меня в сущий ад. Уж я то знаю, как это бывает! Я уже проходила этот позор. Но тогда со мной была Милена, которая одним взглядом гасила любые вопросы и подколки. И мне прекрасно известно, что она может сделать со своим противником. Уроет и закопает. Никому лучше не вставать на пути Милены Лютаевой, это всем

известно. И мне, пожалуй, лучше всего.

– Я замёрзла, – говорю Лютаеву. Он с удивлением и небольшим разочарованием смотрит на меня, и я повторяю: – Я замёрзла. Думаю, прогулка, в таком случае, не очень хорошая идея.

Илья Александрович хмурится. Проводит ладонями по моим рукам вниз и вверх, словно разгоняя кровь, и тихо отвечает:

– Да, *в таком случае*, нам лучше подняться обратно. Выдержишь ещё немного приключений или поищем где погреться здесь?

– Нет, давайте возвращаться, – торопливо прошу у него. Думаю, нам не стоит усугублять положение ещё больше прогулкой наедине!

– Хорошо, – кивает мужчина. – Будет по твоему.

Он аккуратно берёт меня под локоток и тащит в конец очереди на подъём. Конечно, он замечает стоящих чуть впереди нас друзей Милены и словно сразу догадывается о причинах перемен в моём поведении. Но никак не комментирует. Лишь будто испытывает облегчение. Ну это же глупость, да? Снова я надумываю невозможное!

Когда мы устраиваемся на диванчике, я даже не успеваю вспомнить о своём страхе. Всё, что меня интересует, это что расскажут Борька и Нинка Милке. Расскажут ли о встрече, о том, как выглядело со стороны наше тесное общение с Лютаевым? Поняли ли они, что между нами чуть не случился

настоящий поцелуй?

Я ничего не могу с собой поделаться, когда то и дело прослеживаю взглядом Нину и Бориса, сидящих через два сиденья от нас. И это не ускользает от взгляда моего спутника.

– Ты из-за них напряглась? – спрашивает Лютаев, накрывая мои пальцы ладонью. Он сжимает их, согревая в своей руке, пока в его глазах бушует лёд.

Я ничего не отвечаю. Даже если бы знала, как объяснить, не думаю, что решилась бы братья за такие объяснения.

Остаток поездки проходит в молчании. Лютаев постукивает по своему колену подушечками пальцев, а я смотрю на эти идеальные длинные пальцы и представляю, как он очерчивает ими плавные изгибы моего тела, как проводит вдоль тонких позвонков, как смыкает на вершинах груди... Вот же идиотка! Разве должна думать о таком?

От разрывающих изнутри чувств я даже выбираюсь вперёд Лютаева, едва мы подъезжаем к верхней станции, и с грацией бегемота иду напролом сквозь толпу.

– Аглая, стой! – зовёт меня Лютаев, но я не могу остановиться. Я на грани. Мало того, что не получила свой поцелуй, так ещё и подруга меня за это возненавидит! Хорошо отдохнула, ничего не скажешь! – Аглая, Аглайка...

Илья Александрович хватает мою руку, и я вынужденно резко торможу, разворачиваясь к нему лицом.

– Что случилось? – требовательно спрашивает мужчина.
– Я думал, всёшло прекрасно! Мы хорошо проводили время

вместе, и тут ты... друзей увидела, да? Неужели тебе стыдно, что они увидели нас?

– Дело не в том, что они увидели нас вместе, а в том *как!* – стону я с досадой.

– Тебе настолько претит мысль, что я собирался тебя поцеловать? – прямо спрашивает Лютаев, и я кусаю губы, чтобы не расплакаться от обиды, вспоминая бесконечный список причин, почему самое желанное вообще никак не возможно. – Прекрасно. Видимо, я ошибся, неверно считал посылы. Извини, Аглая. Я не хотел ставить тебя в неловкое положение перед друзьями. Больше такого не повторится.

Он скрипит зубами, будто удерживает в себе ещё какие-то фразы, вежливо улыбается, словно успокаивая:

– Вон там вход в ресторан. Ступай, столик на мою фамилию уже заказан. Мне нужно сделать пару звонков по работе, а там, глядишь, и народ начнёт подтягиваться. Не буду смущать тебя своим обществом.

Мне хочется заверить мужчину, что его общество – единственное, что до сих пор держит меня на этой чёртовой горе, но он разворачивается и оставляет меня одну. Здорово!

Я плетусь ко входу в ресторан. Надеюсь, меня просто сшибёт какой-то лыжник и мне не придётся чувствовать эту боль.

В ресторане ждёт сюрприз. За столиком, который заказан на фамилию Лютаева и расположен в отдельной нише, откуда открывается превосходный панорамный вид, уже сидят

Борис и Нина. И если девушка не проявляет ко мне особого интереса, то Борька – или как его ещё называет Милена: «мудак» – явно нацелен меня довести.

– Чего загрустила, Тихоня? – Пересаживается он поближе ко мне. – По любовничку своему скучаешь?

Он противно смеётся, но я игнорирую парня.

– Отстань от неё, Миленка будет злиться, – встревает Нина.

– Блин, да чёрт бы с ней! Золотая девочка должна иногда приземляться на свой великолепный зад, а то витает вечно в облаках. Завтра, пожалуй, и начнём. – Борис противно смеётся, и я перевожу взгляд на него. – Ну что вылупилась, Аглайка? Подружка то знает, что ты с её папкой шуры-муры крутишь?

– Ты всё не так понял, – начинаю я говорить, только он перебивает:

– Меня отшила. Я всё думал: надо же, какая приличная Тихоня, а ты обычная потаскуха при папике! Ну вот и повеселимся теперь! Я успел сделать пару кадров, Миленка, думаю, оценит в качестве подарка на день рождения!

– Нет, – вырывается у меня. – Ты не можешь...

Он окончательно веселится:

– Значит, я прав и Миленка не в курсах!

– Да ты неправильно понял, между мной и её отцом ничего нет...

– Вы выглядите, словно два голубка на пороге страстного

поцелуя. Даже не знаю, может ли кто-то решить иначе... Да, Нинель?

– Отвали, придурок. Не втягивай меня в свои игры, – на секунду отрывается от телефона Нинка.

– Пожалуйста, не порть праздник Милены. Нет темы для веселья. Мы с Ильёй Александровичем не можем быть вместе, это же нелепо!

– Вот и я решил, что нелепо. Но завтра Миленка посмотрит и решит сама, окей?

– Удали фото, – жалобно прошу я. – Пожалуйста!

– Хех! И что же с тобой делать? – он противно ухмыляется. – Придумал. Одно испытание. Догонишь – я стираю фото. Нет – завтра в клубе Миленка получит их вместо поздравительной открытки.

– Я не езжу на лыжах, – в ужасе говорю скорее сама себе, чем ему.

– О, – коварно улыбается Борис, – я заметил.

Я щипаю себя за руку в надежде проснуться от этого кошмара. Мне бы развернуться и уйти, но я не могу. Миленка не должна увидеть, что происходит между мной и её отцом. Миленка не должна возненавидеть меня за мои чувства.

Я прекрасно знаю, что мне ничего не светит. Я знаю, что между нами и нет ничего, кроме безумного притяжения и химии. Флирт? Разговоры? Тайные прикосновения? Я вас умоляю, разве это делает нас любовниками? Но ни Борису, ни тем более Миленке этого не объяснишь. Поэтому я стою

здесь и смотрю, как на мне закрепляют ремни безопасности с карабинами. Инструктор объясняет принципы движения на этом подвесном мосту через самую настоящую пропасть, и я часто дышу, чтобы не впасть в истерику.

Вот оно, его испытание. Я должна догнать Бориса на этом подвесном мосту раньше, чем мы дойдём до финальной точки.

Инструктор пристёгивает один карабин к тросу, а второй вручает в руки.

– Красный не трогаешь, он подвижно будет контролировать тебя на всём пути. Жёлтый тебе придётся переставлять самостоятельно. Всё понятно?

– Да.

– Вот и чудненько. Твой *парень* пойдёт чуть впереди, назад он повернуть не сможет. Если что, тебе придётся дойти до него.

– Мы справимся, справимся. – нетерпеливо бурчит Борис.
– Пошли, Тихоня.

Борька ловко движется вперёд, перестёгивая карабин, когда это необходимо, пока я делаю несколько неуверенных шагов. Надо же! Не так и страшно!

Не сразу до меня доходит, почему так: на горе и в самом начале склона мост надёжно закреплён, но стоит мне только ступить на шатающиеся над реальной пропастью доски, как они буквально ходят ходуном, так и норовя уйти из-под ног. Я цепляюсь пальцами за канаты, которые тоже нехило

мотыляет.

Борис, откровенно потешаясь над моим страхом, убегает довольно далеко, но я уже не пытаюсь его догонять. Под моими ногами сотни метров воздушного пространства, припорошенные снегом острые пики скал, деревья. Я вижу это слишком отчётливо в щелях между разъезжающимися от каждого осторожного шага досками.

Меня начинает мутить. Голова идёт кругом, а от шума приливающей к голове крови я не различаю ничего вокруг. Нет ни свиста ветра, ни улюлюканий Бориса, ни криков инструктора или друзей. словно мои ноги становятся враз ватными, и я обрушиваюсь на колени. Вынужденно цепляюсь руками за края доски и начинаю плакать. Я не могу подняться, не могу и шагу ступить, мне страшно. Я сижу на покачивающемся подвисном мосту, зависшая посередине между двух вершин, и подо мной бесконечная пропасть. Я упаду, и даже мокрого места не останется!

Сейчас проблемы с Миленкой кажутся мне незначительными. В отличие от реальной проблемы: мне ни за что не выбраться отсюда.

Мост начинает шатать сильнее, и я завываю от ужаса, крепко зажмуриваясь.

На мои плечи ложатся чьи-то руки. Не сразу я различаю тихий, успокаивающий голос Лютаева и перестаю выть.

– Сейчас я пристегну твой карабин к своему и помогу тебе подняться, слышишь? Мы пойдём вместе, я буду держать

тебя, Аглая. Ни за что не отпущу, хорошо?

Я обречённо всхлипываю в последний раз и киваю, делая несколько глубоких вздохов, и Илья Александрович, обхватывая меня руками крест-накрест, помогает принять вертикальное положение. Ноги трясутся и не желают слушаться. Каждый новый шаг меня буквально вынуждает делать Лютаев, приговаривая что-то себе под нос.

Мне кажется, проходит целая вечность, прежде чем ша-тающийся мост заканчивается, и я ступаю на твёрдую поверхность. Илья Александрович отстёгивает наши карабины и оттаскивает меня дальше от края.

– Господи, скажи, вот зачем тебя сюда понесло? – шипит сквозь зубы. Мне кажется, что со злостью или раздражением, но во взгляде мужчины лишь беспокойность.

Он отпускает меня, разминая побелевшие от напряжения кисти рук, и я мгновенно падаю на снег. Стоя на четвереньках в незамысловатой позе прямо на глазах у Лютаева и огромной толпы зевак, я опустошаю желудок. Никак не могу это контролировать. Страх сводит с ума, а на смену ему приходит стыд и смущение. И больше всего, потому что Лютаев ловко подхватывает меня на руки и тащит в сторону подъёмника, не испытывая даже малой толики брезгливости.

Я устало прикрываю глаза и жмусь теснее к его горячему сильному телу. Кажется, теперь я ненавижу горы.

В очереди к закрытой – слава богу!!! – кабинке Лютаев на крошечный миг прижимается губами к моему лбу, словно

проверяет наличие температуры. Его густая борода щекочет нос и ресницы, и я едва сдерживаю смешок. Кажется, теперь я снова люблю горы.

Не отпуская меня, Илья Александрович устраивается в кабинке, и мы спускаемся. Я не решаюсь открывать глаза. Знаю прекрасно, чувствую, что мужчина смотрит мне в лицо. А так как сижу вплотную, считай, у него на коленях, то чувствую и его тяжёлое дыхание, и каждое перекачивание литых мышц, и каждое невесомое движение пальцев.

То сжимает, то очерчивает ими невидимые узоры, но кажется, словно невзначай, открытых участков моей кожи. То смахнёт с лица выбившийся из-под капюшона локон. То проведёт по скуле.

Каждое его прикосновение подобно микроразряду тока. Я держусь из последних сил. От любопытства и предвкушения сводит живот. Что он сделает дальше?

Лютаев проводит пальцем по моим иссохшимся губам, слегка надавливая, и от удивления я издаю крошечный стон. Одновременно происходят две вещи: я распахиваю глаза и делаю судорожный вдох ртом, отчего палец мужчины мягко проникает внутрь. О мой бог!!!

Вкус его кожи – терпкий, чуть солоноватый – расплзается по рецепторам, и я сглатываю вязкую слюну, глядя в потемневшие глаза моего спасителя.

Он надсадно и часто дышит, черты лица заостряются, чёрный горящий взгляд сосредоточен на моих губах... на его

пальце, мягко проникающем и скользящем по языку. Как же чертовски неправильно происходящее!.. И как же это чертовски правильно!..

Лютаев прижимает меня теснее. Так, что я ощущаю ягодицами его твёрдость. Ту самую дубинку, которую лицезрела в бассейне! Боже, боже, божечки! Я поняла! Я просто упала и разбилась в лепёшку!

– Чёрт, – выдыхает Илья Александрович и достаёт палец, проводя влажным кончиком по моим губам. – Чёрт.

Он быстро ставит меня на ноги и поднимается сам, и до меня доходит, что мы на уже на нижней станции. С глупой улыбкой плетусь за ним до стоянки такси.

– Мы возвращаемся домой, – ставит меня в известность Лютаев. – Остальные приедут позже, когда нагуляются.

И мне бы возмутиться, но я покорно забираюсь на заднее сиденье и с замиранием сердца жду, куда решит сесть сам Лютаев: со мной или рядом с водителем.

Мужчина не разочаровывает меня своим выбором.

Глава 9.

Лютаев хлопает дверью и говорит водителю:

– Трогай. – А потом поворачивается ко мне. В его глазах, направленных прямо в мои, горят незнакомые мне эмоции. – Ты в порядке?

Что именно он подразумевает под своим вопросом? В порядке ли я, натерпевшись столько страха? В порядке ли я, пережив самый волнительный и интимный момент в своей жизни? Что именно «в порядке»?

– Я не знаю, – честно отвечаю ему. – Я очень испугалась, но теперь, пожалуй, я в норме.

– Хорошо, – удовлетворённо кивает Лютаев. – Признаться честно, на короткое мгновение я и сам испугался. Стоило только увидеть тебя, сидящую на этом мосту, сжавшуюся от страха, такую хрупкую, маленькую... Хотелось немедленно забрать тебя оттуда, унести как можно дальше.

– Собственно, это вы и сделали, – тихо говорю я.

Он усмехается:

– Ага. Это и сделал. Но вопрос остаётся открытым.

– Какой вопрос?

– Зачем ты пошла на этот мост? – строго спрашивает Илья Александрович. И почему мне кажется, что он старательно переводит тему от обсуждения произошедшего *после* спасения?

Я краснею и нехотя отвечаю:

– Да я просто так пошла... Проверить, смогу ли и вообще...

– Ты вот сейчас шутишь или откровенно издеваешься? – внезапно злится мужчина. – Просто так пошла? Проверить, сможешь ли? Аглая, ты боялась прокатиться на фуникулёре, я никогда в жизни не поверю, что ты тут же взяла и решила *просто так* пройти по подвесному мосту на высоте двух тысяч метров! Ты что, таким неординарным способом решила привлечь к себе моё внимание?

– Что?! – вспыхиваю я до самых кончиков ушей. – Ваше внимание? Такого вы, значит, обо мне мнения?! Да что б вы знали, я пошла туда за Борисом!..

На лице Лютаева читается негодование. Он открывает рот да так и закрывает, медленно покрываясь неровными красными пятнами. Глаза покрываются льдом, зрачки сужаются до крошечных точек, и тут до меня доходит, насколько недвусмысленно прозвучала моя реплика.

– Ой, – я прикладываю руки к горящему лицу и торопливо выпаливаю: – Не в том плане «за Борисом», в котором вы подумали, а в том плане, что это он выдвинул такие условия, чтобы...

Я резко замолкаю, прикусывая язык, а Лютаев вопросительно вскидывает брови.

– Чтобы что, Аглая?

Блин, блин, блин! Вот это неловкая ситуация! Страшно

представить реакцию Ильи Александровича, если я скажу ему про фото! Но сказать что-то придётся. Вон как смотрит своими глазищами! Ни единого шанса смолчать мне не оставит!

– У него есть кое-что, чего быть не должно, – туманно поясняю я. – И мы... поспорили, в общем, что он как бы удалит это, если я его догоню на мосту.

– Пфф, – кривится мужчина. – Детский сад какой-то! Ты умная и сообразительная девушка, а не знаешь двух простых вещей? Первое: ничего не стоит твоей жизни. Ничего, Аглая. Нельзя подвергать себя неоправданному риску, только потому что это кажется кому-то забавным. Второе: шантажисты никогда не успокаиваются после выполнения договорённостей с твоей стороны. Им всегда мало, Аглая. Никогда не ведись на шантаж. Ты поняла меня?

Я закатываю глаза, но киваю.

– Понимаете, я просто запаниковала, вот и вышло... по-дурацки.

– Ты могла от страха сорваться с моста, Аглая, – цокает Лютаев. – Вот это было бы по-дурацки. Ты, конечно, повисла бы на страховочном тросе, но...

– Но я не сорвалась, – мрачно заканчиваю я, представляя описанную картину.

– Не сорвалась, – кивает он. – И это главное.

– Ну... кому как, – протягиваю я. – Иногда лучше помереть сразу, чем долгой мучительной смертью от издева-

тельств и подколок.

– Никто не может унижить тебя, больше чем ты сама себя унижаешь. Прекрати, Аглая! Ты словно магнит для всех пессимистических прогнозов в округе. Ты – очень красивая, молодая, яркая девушка, интересная, невероятно любознательная, отзывчивая, добрая. Среди молодёжи сейчас таких и не встретишь: всё больше искусственные – что снаружи, что внутри. Ты так не похожа ни на одну знакомую мне девушку этого чудесного возраста. Да что там! Даже моя дочь далека от идеала! Но ты, Аглая, удивительная. Очень важно научиться принимать себя такой, ценить и беречь, иначе любой пустяк может сломать тебя. А мне бы этого очень не хотелось.

– Это не пустяк! Вы просто не понимаете!

– Аглай, поверь на слово взрослому и опытному мужчине. Пожалуйста. Всё пустяк, что не убивает тебя. Учись наращивать броню, не набивая шишек. Не дай этому миру или окружению тебя сломить.

– Как это у вас гладко на словах! – вздыхаю я. – Только в жизни ведь всё совсем не так. Если ты не такой, как все, то каждый норовит тебя задеть, кольнуть побольнее. Богатые унижают бедных, красивые – простушек, сильные – слабых. Кому-то может показаться забавным играть на твоих страхах, и они без зазрения совести пользуются всяческими манипуляциями. И вовсе не важно, какой толщины будет моя броня, если весь поток станет распускать обо мне грязные

сплетни, обзывать за спиной и всё такое за то, чего я даже не совершала. Вот только всем плевать, определённые выводы на основе сплетен будут сделаны даже преподавателями. Кажется, в вашем мире это называется испорченной деловой репутацией, да?

– Я могу помочь, Аглая, – Лютаев накрывает мою дрожащую руку ладонью и сжимает. – Просто скажи как. Кто тебя обидел, чем?

– Будет только хуже, – шепчу я. – Вы просто не понимаете. Он мягко улыбается:

– Кто-то... считает, что ты... моя любовница? – Сгорая от стыда, я лишь киваю. – Борис? – Нехотя я снова киваю. – Мелкий пакостник поймал обиду, что ты его отшила, да? Что он там тебе наплёл? Что Миленке расскажет?

Мужчина тихо смеётся, но мне не смешно. Чего тут вообще может быть смешного?

– Не понимаю, чего вы смеётесь, Илья Александрович, – насуплено вырываю руку из его хватки.

– Не перестаю удивляться, какая забавная штука жизнь. Это ж надо так! Даже нарочно не придумаешь, что девушка, с которой мне нравится проводить время и которую я надеюсь узнать ближе, больше всего боится сплетен на мой счёт!

Я оставляю все мысли на потом. Его слова подобны маленькому взрыву: оглушают, вызывают пустоту, создают вакуум внутри меня. Ему *нравится* проводить со мной время? Он *надеется* узнать меня поближе? Я что, снова сплю? Сло-

ва Лютаева, такие простые на первый взгляд, вызывают у меня прилив невесомой нежности, и мне так хочется прыгнуть в эту негу без оглядки, но я не могу не задаваться вопросами, что будет дальше. А дальше – это же очевидно! – меня ждёт разбитое корыто.

– Вы – взрослый и опытный мужчина, отец моей подруги, – доверительно склонившись ближе, говорю Илье Александровичу. – А я учусь с вашей дочерью и всеми этими ребятами и прекрасно знаю, какие они люди. Мне нравится ваше внимание и ваше общество, но... Вы уедете, а мне придётся жить с этими сплетнями. И потом, не думаю, что Милене придётся по вкусу...

– Да ты и не думай, Аглай. Ты слишком много думаешь, анализируешь вечно что-то, накручиваешь себя на исход, который даже может не произойти. Хочешь – делай, не хочешь – не делай. Только так правильно. Не стоит оглядываться на мнение других людей.

– Даже если это ваша дочь? Разве её мнение неважно? Не могу же просто делать то, что мне *хочется*, не оглядываясь на чувства Милены. Мне бы не понравилось, что моя подруга флиртует с моим же отцом!

Фраза вырывается у меня невольно, но слово не воробей. Видимо, у меня точно жар или шок после стресса! Ещё немного, и я просто проболтаюсь Лютаеву о своей влюблённости. Ну какая же я глупая!

Но он словно и не обращает внимания на мои слова, мед-

ленно выговаривая:

– Вот опять: ты судишь по себе, напрочь забывая, насколько вы с Миленой разные. Абсолютно во всём! Так почему у неё должны быть обязательно такие же чувства, как у тебя?

Я не знаю, что ему ответить. В идеальном мире я бы спросила у Милки, как она отнесётся к подобному повороту, но мне об этом даже подумать страшно. Мне вообще сейчас очень страшно думать. Никогда бы не представила, что буду сидеть вот так и спокойненько обсуждать перспективу наших бесперспективных отношений с Лютаевым.

– Ты в себе, главное, разберись, а всё остальное можно решить по мере наступления возможных трудностей. Я тебе честно говорю, жить можно если не со всем, то со многим, и сплетни или страх обидеть подругу это не то, из-за чего стоит отказываться от желаемого. А ты ведь чувствуешь что-то? Тебе ведь хочется флиртовать *со мной*? Ведь не назло же Борису и не потому что Милена моя дочь?

Вопросы повисают в воздухе. Господи, как мне стыдно! Краска заливает пылающее лицо, и я прикусываю губу, чтобы не расплакаться. Неужели я настолько очевидна, что он видит меня насквозь?

– В конце концов, я тоже чувствую это притяжение. – глухо завершает он. – Не потому что ты подруга моей дочери и не назло кому-то. Это просто случилось, Аглай. Просто произошло. И только нам двоим решать, что с этим притяжением делать дальше.

Сердце выстукивает о рёбра тяжёлую дробь. Мне кажется, что оно сейчас просто вылетит из груди и шмякнется к его ногам, забившись в конвульсиях экстаза. Я влюбилась, мамочки! Я люблю! И он тоже что-то испытывает ко мне!

Мне хочется броситься ему на шею. Хочется поцеловать. Хочется, чтобы он целовал меня. Его поцелуи представляются мне чем-то пьянящим, невероятно сладким, дарящим удовольствие.

Сидя здесь, рядом с ним, так близко, когда я вижу каждую крапинку ледяных глаз, с жадностью глядящих на меня, мне так хочется верить ему, верить в него... Если бы не одно «но»:

– А как к этому отнесётся ваша невеста?

На лицо Лютаева лишь на мгновение набегает тень, окрашивая его стальные глаза тёмным, и мужчина отводит взгляд в сторону.

– Ну... – протягивает он. – Приехали.

– Что? – непонимающе переспрашиваю я у него.

– Мы приехали. – отвечает он, и я осматриваюсь.

Перед нами шлагбаум КПП посёлка. Мгновение, и Лютаев открывает окно, чтобы отдать соответствующие распоряжения. Минута, и мы на месте, на подъездной дорожке таунхауса. Илья Александрович выходит первым, придерживает для меня дверцу и даже подаёт руку, но словно и не здесь вовсе, не со мной. Неужели один дурацкий вопрос сразу расставил всё по своим местам?

Такси тихим ходом отъезжает, и я смотрю ему вслед. Мнусь на месте, не решаясь поднять глаза к Лютаеву. Не могу заставить себя столкнуться с холодным равнодушием, вызванном моим невинным вопросом.

– Заходи в дом. – глухо бросает он мне.

– А вы?

– И я.

Я делаю несколько шагов в сторону порога, останавливаюсь и, не оборачиваясь к мужчине, спрашиваю:

– Вы мне не ответите, да?

Он подходит ко мне вплотную, но молчит. Я чувствую его дыхание на макушке. Лютаев сжимает в ладони кончики моих пальцев и тихо говорит:

– Решать проблемы по мере их поступления, помнишь?

– Но для меня это и есть проблема, – начинаю я, но он перебивает:

– Это не проблема, обещаю.

Не проблема? Что это значит? Но я не успеваю задать вопрос. Со стороны дороги раздаётся голос.

– Илья Александрович, приветствую! Целый день не могу до тебя дозвониться.

– Ступай в дом, Аглая, – велит Лютаев, отстраняясь от меня.

Я поворачиваюсь и вижу соседа, кажется, он представился Сергеем Дмитриевичем. Мужчины пожимают друг другу руки, и сосед смотрит на меня.

– Добрый день, соседка!

– Здравствуйте.

Лютаев недобро сверкает взглядом в мою сторону, и я совершенно невежливо отворачиваюсь от мужчин, заставляя себя скрыться в доме. Внутри всё свербит от досады и непонимания. Неужели отец Милки относится к тому типу мужчин, от которых родители советуют держаться подальше? А иначе как можно объяснить то, что наличие невесты для него *не проблема*?

Этот вопрос занимает меня, пока я лежу в пенистой ванне, пока раздираю кудри массажной щёткой, пока читаю книгу. И даже, когда все ребята возвращаются, я не могу просто перестать об этом думать. И ещё хуже становится, когда перед самым сном ко мне заходит Миленка.

– Глаш, ты спишь?

– Нет.

Подруга проходит и заваливается рядом со мной.

– Не расскажешь, какого чёрта сегодня произошло? – участливо спрашивает она. – Я так обалдела! Просто стояла и смотрела, как ты рыдаешь на этом висячем мосту... Хорошо, что у папы такая реакция! Он быстро сообразил, что надо идти тебя вызволять. Повезло, что он был рядом.

– Да, повезло, – шепчу я и неожиданно начинаю горько плакать.

Милка притягивает меня в свои объятия и успокаивает, а я не знаю, как сказать ей, что плачу вовсе не от ужаса недав-

него прошлого. Что безнадежно влюбилась в её отца и совершенно не понимаю, что с этим делать дальше.

Кажется, я так и засыпаю в баюкающих объятиях подруги, потому что просыпаюсь жутко разбитая, с головной болью, вся опухшая от слёз. Тщетно пытаюсь привести себя в порядок, но бросаю эту затею и спускаюсь к завтраку.

За столом уже собрались все, но Миленкиного отца не видно. *«Наготовил завтрак и скрылся подальше от меня?»* – эта мысль омрачает и без того дурное настроение. Хочется закрыться в комнате и рыдать, завывая в голос. Хочется оплакивать несправедливую судьбу, столкнувшую меня с Лютаевым. Но Милка не оставляет мне такого выбора, бескомпромиссно заявляя после завтрака:

– Так! А теперь девочки едут в спа, а мальчики в это время не напиваются! Я серьёзно! Встретимся в семь в клубе.

Я с унылым видом плетусь в комнату, чтобы взять с собой всё необходимое, и вскоре уже занимаю место в гостиной, ожидая, когда спустятся и другие девушки.

Интересно, где Лютаев? Я не видела его ни вечером, за ужином, ни сейчас.

Первой спускается Миленка и сразу плюхается на диван рядом со мной.

– Сейчас наведём лоску и все красивые поедem тусить! – радостно начинает она.

– Милк, может, я дома побуду? Всё это веселье... Не уверена, что выдержу. Там же так шумно...

– Ты это брось свою очередную хандру, Глаш. Я знаю, что козёл Матюша сделал тебе больно, но это не повод отказываться от тусовок.

– Я их просто не люблю, – успокаивающе улыбаюсь в ответ. – И Матвей здесь ни при чём. Я другая, Милен, как ты не понимаешь?..

– Да я понимаю, Глаш, понимаю. – Она закусывает губу. – Но если бы не Шальнов, ты бы не стремилась избегать людей и шумных вечеринок.

– Невелика разница: раньше я их терпела, а теперь они стали невыносимы. Постоянно что-то идёт не так!

– Глаш, всё будет идеально. Обещаю. Я буду присматривать за тобой. И я, и Петруша. У папы встреча, его не будет вечером, и только поэтому я не смогу попросить его тоже приглядеть за тобой.

Я поджимаю губы, услышав эту новость. Весть о том, что Лютаева не будет на празднике дочери, ранит меня. Но Миленка понимает все иначе.

– Да чего ты так бесишься из-за папы? Вы, наоборот, должны *сойтись*, так похожи характерами и интересами! Ты же как тётка, без обид только ладно?

Я смеюсь:

– Тётка, значит? Мне не нравятся современные фильмы, книги и музыка, я не гонюсь за модой, предпочитаю удобство и практичность в одежде. Если это делает меня тёткой... так тому и быть! Я – это я. Странно строить из себя кого-то, кем

ты не являешься.

– Вот я и говорю, – поднимается она, заведя шествие по-друг. – Ты идеальная до зубового скрежета. Аж бесишь!

– Кто тут кого бесит? – возникает из ниоткуда Лютаев.

– Да Аглая бесит своей идеальностью, пап, – усмехается Миленка. – И умница, и красавица, и фигурка ладная, и воспитание какое! Мало таких девушек сейчас, правда?

– Правда, Милёнок. Тебе повезло с подругой. – Лютаев целует макушку дочери, впиваясь в меня ледяным взглядом. – Желая хорошо повеселиться.

– Спасибо, папуль.

– Ещё раз с днём рождения, малышка. Люблю тебя.

– И я тебя, пап.

Мне нравится наблюдать за ними. Илья Александрович просто идеальный отец, такой, которого у меня не было. Мой папа тоже любит меня, по-своему, но это и близко не стоит с отношениями между Лютаевыми.

Наконец, мы покидаем дом и несколько часов кряду проходим всякие унижительные (для меня) процедуры, типа депиляции, массажа лица и пяток, педикюра... Боже, зачем это всё мне нужно, если я не планирую никаких связей в ближайшую сотню лет? Завершается экзекуция сложной причёской и замысловатым макияжем.

К вечеру я сама на себя не похожа. На меня смотрит незнакомка в чужом платье, которое *прихватила* для меня Миленка. Нет, я, безусловно, благодарна подруге, что не выделяюсь

на фоне её и других девчонок, но всё это – не перебор ли?

Я не хочу ехать в клуб. Не представляю, как выдержу полноты шума и блеска неоновых огней! Но делать нечего. Мне придётся.

Поначалу всё идёт неплохо. На меня никто не обращает внимания, и я даже могу чуточку расслабиться. Меня даже не задевает косящийся в мою сторону Борис: почему-то я уверена, что после вчерашнего он не посмеет ничего говорить Милке.

Пока все танцуют, я сижу за столиком, разглядывая бесноватую толпу. В какой-то момент ко мне подлетает Милка.

– Там Нинке плохо!

– Что? – подсказываю я.

– Кажется, ей что-то подсыпали в коктейль! Она танцевала, а потом упала и забилась в конвульсиях, просто жуть, представляешь!

– И что делать?

– Мы едем в больницу, скорая вот-вот приедет, кто-то поедет сначала переодеться и привезёт нам вещи... Тяжёлая предстоит ночка!

– Да уж... Я с вами.

– Нет, найди папу, он мне не отвечает, наверно, не слышит за этим шумом.

– Разве он здесь? – холодею я.

– Да, где-то на втором этаже, в VIP зоне клуба. Пожалуйста, Глаш, найди его и скажи, что случилось.

– Конечно, не волнуйся, я всё сделаю. Мы догоним вас, не сомневайся.

Подруга убегает, а я, нервно озираясь, иду к широкой винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. С огромным трудом мне удаётся добиться от официанта информации о расположении отдельной кабинки, где Лютаев сидит с двумя мужчинами. Один из них – сосед, Сергей Дмитриевич. Второго я ещё не видела.

Но именно он первым замечает меня и громко произносит:

– Так-так-так! Смотрите-ка, какая цаца к нам заглянула! Чего хочешь, сладкая?

Я смущённо мнусь в дверях, глаза на мужчин.

Лютаев с ленцой бросает на меня взгляд и тут же меняется в лице.

– Аглая?!

– Так ты её знаешь? – ухмыляется незнакомец. – Познакомь, Илюх, а?

– Забудь. – грубо бросает ему Лютаев. – Она совсем ребёнок.

Эти слова звучат для меня подобно хлёсткой пощёчине. Я морщусь, едва сдерживая слёзы обиды. Но я здесь не ради мужского интереса отца своей подруги.

– Какой же она ребёнок? Молодая и красивая женщина. Достаточновзрослая... – говорит Сергей Дмитриевич, с любопытством поглядывая то на меня, то на Лютаева, но мне

нет до этого дела.

– Подруга. Моей. Дочери. – отрезает Илья Александрович. – Ребёнок.

Мне хочется провалиться сквозь землю от стыда и глупой, отчаянной боли. Пока я, значит, влюблялась в него, он видел во мне всего лишь *ребёнка*?!

Глава 10. Лютаев

– Ооо, гляньте-ка, какие люди! – одаривает меня масляной улыбкой Андрей Хмурских, владелец сей богадельни.

Мы с Серёгой здороваемся с приятелем и устраиваемся поудобней на мягких диванах вип-кабинки.

– Как в школе, – усмехается Суровин, и я закатываю глаза.

– Шпана дворовая, как сказала бы Валентина Яковлевна.

– Наша «классная мама» до сих пор внимательно следит за нашими взлётами и падениями, – не соглашается Серёга. – Давно уже не считает нас шпаной. Только если Хмурого. Уверен, она считает, раз он держит кабаки, жизнь его пошла по кривой дорожке.

Мы звучно смеёмся, пока молоденькая официантка, иско-са поглядывая на Дрона, выставляет на стол яства и дорогое бухло.

Руку готов дать на отсечение: Андрюха спит с этой фи-фой. Он вообще спит со всеми, кто шевелится, половозрел и женского пола. Всегда таким был. В отличие от нас с Сергей Дмитричем Суровиным, Андрей Константинович Хмурских даже женат ещё ни разу не был. Что, в общем-то, не помещало ему иметь взрослую дочь.

Такие непохожие, с разными интересами и судьбами, тем не менее, мы дружим уже более тридцати лет и стараемся пересекаться несколько раз в год. Три брата-акробата, как

называла нас классуха. Хмурый, Суровый и я, ваш покорный слуга, Лютый. Как на подбор.

– Как дела с московским проектом? – участливо интересуется Серёга. – На финишной прямой уже?

Я постукиваю по столу, умиряя чувства, но всё же признаюсь:

– Боюсь, что мне придётся свернуть проект. Мне больше не подходят условия основного инвестора.

Серёга присвистывает:

– Пожалуйста, дружище, скажи, что это никак не связано с той очаровательной милашкой, с которой ты тут отдыхаешь.

– Тут я *отдыхаю* дочерью. У Милёнка день варенья, вот и прилетел.

– Однако я уже дважды видел тебя вовсе не с дочерью... – ухмыляется приятель.

– Знаешь, иногда я жалею, что повёлся на твои уговоры и прикупил вторую часть дома, – огрызаюсь я.

– Да мы с тобой впервые за семь лет пересеклись в этом доме! – поддевает Суровин. – Всё отлёживаешь бока во Франции со своей порноактрисулькой.

– Брейк, парни! – смеётся Хмурый. – Хорошо про баб, тоску нагоняете.

– Ну ты если начнёшь про них, то лет через сто закончишь, – замечаю я и перевожу тему: – Условия меня более не устраивают, *неважно почему*, придётся передавать права на здание Городецкому.

– А нельзя выплатить ему вложенные в строительство средства? – спрашивает Андрюха.

– Ты представляешь, о какой сумме идёт речь? – протягиваю я с невесёлой усмешкой. – У меня нет такой свободной суммы. Стал бы я связываться с Городецким, имея собственные средства в достаточном количестве?

– Давай тогда покумекаем, как поступить, но завтра или на днях, – предлагает Хмурый. – Ты же пока здесь?

– Пока здесь, – киваю я, и мы откладываем дела на потом, возвращаясь к легкомысленной болтовне, которая, впрочем, мало меня занимает. Мои мысли устремляются вниз, на танцпол, за столик, где сидит моя дочь с друзьями. Тянет пойти и узнать, как у них дела, но я продолжаю сидеть на месте. Ни к чему это. Мне это вовсе ни к чему.

Вот же дурак! Не зря говорят: седина в бороду, бес в ребро. Вот и я попался. Накрыло с головой. Даже не думал, что так бывает, пока не столкнулся той ночью с ней.

Было что-то порочное в этой кричащей невинности. Греховное. Манящее. Вероятно, я просто тронулся умом, ослеплённый чистой и светлой красотой девчонки. Я возжелал этот запретный плод. Захотел присвоить себе Аглаю.

Тогда я, конечно, ещё не догадывался, что обнажённая нимфа в моей ванной и есть университетская подруга Милены, о которой я так часто слышал в разговорах с дочерью, но я возжелал её.

Умом понимал, что дурнее мысли у меня ещё не возника-

ло ни разу в жизни. Хотите назовите это бредом собачьим или кризисом среднего возраста, но в тот момент, когда я столкнулся с ней в ванной, что-то надломилось во мне.

И дело даже больше не в ладной девичьей фигурке с нежными округлостями груди, с торчащими по центру заострёнными вершинами, сморщенными от прохлады, а в невозможно печальном взгляде, отречённом, словно она знает какую-то тайну бытия. Взгляд делал её старше, хотя на вид я не дал бы и восемнадцати. Слишком маленькая, непозволительно, что ставило меня в ещё более неловкое положение перед самым собой.

Стоило выбросить из головы этот неловкий инцидент, но чем больше я старался не думать, не вспоминать, тем ярче перед глазами рисовалась картинка обнажённого женского тела, слепого из самых смелых мужских фантазий. Идеального. Созданного для ласк и удовольствий.

Той ночью впервые за многие годы мне понадобился холодный душ. Хотелось удариться головой о стену, чтобы выбить это наваждение, эту вспыхнувшую молниеносно дурь. Я был уверен, что проблема в длительном отсутствии половой жизни. Ну серьёзно! Не любовь с первого взгляда же!

Но вместо этого я, услышав тихий хлопок из-за двери ванной, столь же тихо приоткрыл дверь соседней комнаты и встретил неожиданное сопротивление. Девчонка села под дверью, очевидно, защищаясь от меня, да так и заснула, завалившись на пол.

Чувствуя себя грёбаным извращенцем, я таки пробрался в её комнату, с осторожностью поднял малышку и уложил её в постель. Мягкая, тёплая ото сна, она улеглась удобнее, натягивая одеяло до самых ушей, чуть нахмурилась, и я дал дёру. Ещё не хватало, чтобы она проснулась и увидела меня рядом!

Ночь выдалась непростой. А утром я узнал, что именно Аглая, нежно любимая подруга моей дочери, живёт в соседней комнате. Что именно с ней я столкнулся ночью. Что именно её возжелал.

Мне кажется, я знал о ней так много! Милена часто рассказывала о ней, о её жизни, о трудностях и неудачах. Иногда мне думалось, что дочка трещит без умолку о ней, чтобы не рассказывать о себе, но никогда не говорил дочери ничего против её рассказов. Поэтому я заочно уже знал Аглаю. И вместо того, чтобы подливать масло в огонь, я должен был оставить её в покое. Но я не смог.

В чём причина, спросите вы? Честно, я не знаю. Не думаю о причинно-следственных связях. Просто делаю. Просто *живу*. Просто позволяю этому случиться. Взрослые и ответственные люди так не должны поступать, ага. Но когда жить, если не сейчас? Когда чувствовать, если *чувствуется*? Второго такого шанса может уже и не представиться, так стоит ли искать отговорки или просто сделать и будь что будет? Из раздумий меня вырывает голос Хмурого:

– Так-так-так! Смотрите-ка, какая цаца к нам заглянула!

Чего хочешь, сладкая?

Не то время и не то место для анализа ситуации выбрал.

Надеюсь, Андрюха не решил организовать нам приват?

Нехотя бросаю взгляд в сторону двери и просто не верю своим глазам!

– Аглая?!

Это точно она? Вот эта ослепительная красавица моя тихая мышка Аглайка? В салоне потрудились на славу, да и Милена смогла подобрать подруге исключительный наряд.

От её вида кровь приливает к низу. Хочется немедленно одеть её, спрятать от чужих взглядов. А лучше закинуть на плечо, оттащить домой и раздеть. Я, хоть и обладаю некоторой степенью выдержки, но всё же мужик. Который хочет эту конкретную женщину.

– Так ты её знаешь? – мерзко ухмыляется Хмурских. – Познакомь, Илюх, а?

Подсознание ревностно подсовывает картинку, как быстро мой бабник-приятель развёл бы Аглаю. Уж он не стал бы церемониться! Да и мало кто стал бы. Рано или поздно это случится с ней. Рано или поздно кто-то затащит Аглаю в койку, воспользуется её невинностью, обидит. И эта мысль бесит до невозможности!

– Забудь. – отрезаю я. – Она совсем ребёнок.

Маленькая, наивная девочка. Ей нужен флирт и ухаживания, а не грязные намёки Хмурого.

– Какой же она ребёнок? Молодая и красивая женщина.

Достаточно взрослая... – влезает Суровин. Ей-богу, лучше бы молчал!

– Подруга. Моей. Дочери. – повышаю я голос. – Ребёнок. – и пресекая все возможные возражения друзей, обращаюсь к ней: – Зачем ты пришла, Аглая?

Она испуганно смотрит на меня и быстро произносит:

– Нине стало плохо, они поехали в больницу. Милена просила найти вас, потому что вы не отвечали.

Больше я не спрашиваю. Узнаю подробности по дороге. Мгновенно подрываюсь с места, хватаю Аглаю и тяну к выходу. Испытываю облегчение, что не употреблял алкоголь, поэтому сразу иду на парковку и помогаю девушке устроиться на сиденье, прежде чем сесть самому, и сразу выруливаю, набирая номер дочери.

Несколько секунд разговора, и я уже знаю все подробности. На секунду меня охватывает злость: Хмурый всегда кичится безопасностью своих заведений, а тут такое происходит с девчонкой из компании моей дочери! А если бы на месте Нины сейчас была бы Миленка!.. А если бы Аглая?..

Я звоню приятелю и ввожу в курс дела. Он обещает немедленно поднять все камеры и разобраться, какого чёрта произошло. На фоне этих действий я на мгновение забываю о девушке, сидящей рядом. Но сейчас, когда страсти немного улеглись в моей голове и мне больше не хочется рвать и метать, я осматриваю Аглаю.

– С тобой всё хорошо? – Она поворачивается ко мне, взи-

рая покрасневшими глазами. – Ты пила какие-то сомнительные напитки? Выпускала стакан из виду?

– Я всё время сидела за столиком, и мой безалкогольный коктейль был прямо передо мной. – раздражённо отвечает она. – Никто чужой к столу не подходил, ну, кроме официантов. Может, я и *ребёнок*, но не настолько беспечна, чтобы не позаботиться о себе. Мне прекрасно известно, что может случиться на подобных вечеринках.

Она закатывает глаза и отворачивается к окну, а я морщусь, вспоминая, что однажды *чуть было* не произошло с самой Аглаей на одной студенческой вечеринке.

Сжимаю её руку и тихо говорю:

– Извини, я не имел в виду, что ты беспечна и не можешь позаботиться о себе...

Она снова поворачивает голову ко мне.

– Всего лишь то, что я – *ребёнок*. Я поняла. – скептически бросает она, но тоска в её глазах достигает критической отметки.

Я хочу разобраться, что уже успело с ней приключиться за сегодняшний день, когда мы не виделись, кто успел её обидеть, но не успеваю. Замечаю краем глаза какое-то движение на дороге, резко выруливаю в сторону обочины. Зад автомобиля заносит на грязь, и я одним колесом влетаю в придорожную канаву, пробивая его чем-то.

Аглая испуганно осматривает сначала меня, потом себя. Я занимаюсь тем же и, убедившись, что девушка в порядке,

выхожу в ночь и изучаю пробитое колесо, после чего достаю телефон и выругиваюсь:

– Чёрт, чёрт, чёрт! – Снова сажусь за руль, включая аварийку, и спрашиваю у Аглаи: – У тебя ловит телефон?

Она извлекает плоский корпус с трещинами на экране из маленькой сумочки и с сожалением качает головой:

– Нет сети. – она кусает губы и спрашивает: – И что теперь?

Я пожимаю плечами:

– Дорога не самая популярная, как ты, должно быть, заметила. Но рано или поздно кто-то поедет.

– Ясно. – обречённо вздыхает она и выходит наружу.

Словно замороженный, смотрю как она застёгивает пальто дрожащими пальцами и становится у капота обездвиженной колымаги, спиной ко мне, начиная сотрясаться всем телом. Замёрзла или плачет от испуга? Я выхожу к ней.

Плачет.

– Испугалась? – Я подхожу ближе, осторожно приобнимая её.

– Нет. – тихо всхлипывает она. – Если только немного.

– А чего же ты тогда слёзы льёшь?

Аглая молчит, медленно отстраняясь от меня. Я озадаченно наблюдаю, как она покрывается красными пятнами, усиленно пряча от меня взгляд. Обхватываю подбородок девушки двумя пальцами, вынуждая поднять голову, взглянуть на меня.

– Что случилось?

– Ни... чего, – запинаясь она.

– Не ври мне, Аглая, – прищуриваюсь я. Она с силой кусает нижнюю губу, и я требовательно прошу: – Рассказывай, кто тебя обидел.

Она мотает головой. Срывающиеся тонкие ручейки слёз, торопливо сбегающие по её лицу, вызывают во мне нестерпимое желание поскорее узнать, кто посмел обидеть неженку, и уничтожить её обидчика.

– Меня никто не обижал, мне обидно из-за собственной глупости! – с вызовом заявляет она, впрочем, тут же тушуясь и завершая импульсивную речь тихим шёпотом: – Напридумывала *всякого*...

– И чего же ты напридумывала? – заинтригованно спрашиваю у неё.

– Всякого... неважно. – помявшись, бросает она. – Теперь это всё уже неважно, Илья Александрович. Да и вообще, что вы слушаете эти *детские* бредни? Я же всего лишь *ребёнок*, глупый, наивный и капризный!

Смотрит в упор своим израненным взглядом. Такая трогательная. Беззащитная. Все чувства напоказ. Вот, значит, что её ранило? Мои слова? Я усмехаюсь. Вот же старый дурак!

– Думаешь, я считаю тебя ребёнком? – уточняю ещё раз.

– Вы так сказали, – фыркает она. Я подхожу ближе.

– Думаешь, считай я тебя ребёнком, хотел бы тебя касать-

сы? Вот так, – мои руки ложатся на тонкую талию и скользят чуть ниже, на плавный изгиб бёдер. – Считаю я тебя ребёнком, Аглая, думал бы о тебе все дни и ночи напролёт? Желал бы тебя поцеловать?

– Так поцелуйте, – жалобно шепчет она, и я мягко надавливаю на роскошные ягодицы, притягивая девушку ближе.

– И поцелую, Аглая. – тихо говорю в самые её губы, прежде чем заклеить их жадным поцелуем.

Мягкие губки девушки подчиняются моей воле, послушно раскрываясь, и я ныряю языком в это бархатное жаркое искушение с ярким вкусом. Стоит только нашим языкам соприкоснуться, как меня словно током прошибает. Все запреты и установки летят в тартарары. Больше я не собираюсь сдерживаться, ограничиваться. К чёрту! Я хочу её, и это взаимно.

Одной рукой усаживаю Аглаю на самом краю капота, другой раздвигаю колени, чтобы удобнее устроиться меж её бёдер. Врезаясь твердеющим естеством в её тело, веду ладонями по стройным ногам под короткую юбку и натыкаюсь на широкую резинку чулок. Когда кончики пальцев задевают тонкую прозрачную кожу, я прикусываю пухлую нижнюю губу девушки и та громко всхлипывает в мой рот. Она отзывчивая, очень. Мне нравится её целовать. И, уверен, понравится ласкать. Чем я и собираюсь заняться прямо сейчас.

Накрываю ладонью лобок и провожу вдоль складок, чувствуя, как влажнеют от этого движения её трусики. Аглая ис-

пуганно дёргается в моих руках, и я застываю, прекращая её целовать.

– Хочешь, чтобы я остановился? – спрашиваю свистящим шёпотом. Чувствую себя шариком с откачанным воздухом, в том невозвратном состоянии, когда он на огромной скорости нарезает круги, прежде чем окончательно шлёпнуться вниз. Со всей дури оземь. Чувствую, что расшибусь от этого падения, но ни за что не найду в себе сил остановить его. Теперь нет. Даже если не сейчас, то позже это случится между нами. – Аглая, ты хочешь, чтобы я остановился?

Она зажмуривается, краснея до кончиков ушей.

– Мне так стыдно, боже мой! – шепчет она в ответ. – Так стыдно, что *там* так мокро!.. Это же... это...

– Великолепно, – обрываю её. – Ты великолепна. Вся. Посмотри на меня, Аглая, посмотри. – Она боязливо открывает глаза, и я заглядываю в них. – Тебе нечего стыдиться. Ты не делаешь ничего постыдного. То, что происходит с тобой, это естественная реакция на то, что происходит между нами. Ты, как и я, испытываешь желание, и твоё тело передаёт мне нужные сигналы об этом. Но я останавлиюсь, если ты не готова к чему-то большему.

– Мы же не будем заниматься здесь *любовью*? – смущённо спрашивает девушка.

– Нет. Конечно, нет. – заверяю её. – Заниматься любовью мы *здесь* не будем.

– Хорошо, – кивает она, хотя в её взгляде полно вопросов.

Вместо глупой болтовни я целую её скулы, щёки, уши, шею. Расстёгиваю верхние пуговицы пальто, пробуя ладонями девичью грудь. Нашупываю острые камушки сосков и сжимаю их между пальцами, касаясь губами её губ, но не углубляя поцелуй.

Тихий стон звучит как проклятие. И как самая сладкая музыка для моих ушей. Словно я держу в руках мягкую и податливую глину, чтобы вылепить из неё изящную фигуру. Чтобы играть с ней, искушать, доводить до черты удовольствия, до самого её края. Чтобы обрушить на неё это знание...

Мои руки повсюду. Гладят, очерчивают, сжимают... Пока я снова не скольжу рукой к самому кружевному краю чулок, пока не касаюсь тонкой кромки нижнего белья и не сдвигаю его в сторону. Меня трясёт. От тщательно сдерживаемых порывов и сводящейся с ума страсти. От порабащающего желания. От бурлящих раскалённой лавой внутри эмоций и чувств.

Я углубляю поцелуй, крадя воздух у нас обоих. Пальцы Аглаи впиваются в мою шею, наверняка оставляя там отметины в виде полумесяцев от ногтей, но мне плевать. Безумие этого момента такое правильное, как ничто в моей жизни ранее.

Чувствуя себя мальчишкой в период пубертата, нерешительно касаюсь влажных складочек, скольжу по ним пальцем, разнося влагу, массирую по кругу клитор.

Аглая напрягается. Ведёт бёдрами навстречу каждому движению моей руки. Пока вдруг не застывает в немом крике, удивлённо распахивая глаза.

Я продолжаю целовать и ласкать её, продлевая парение в невесомости, постепенно снижая амплитуду движения пальцев и напористость поцелуя.

Из-за поворота показываются мигающие сине-красные всполохи патрульной машины, и я вынужденно поправляю женские трусики и одёргиваю вниз подол платья.

Аглая смущённо поглядывает на меня из-под полуопущенных ресниц, не решаясь заговорить. Я знаю, что в её прекрасной головке множество вопросов, и готов к каждому из них.

– Мы продолжим чуть позже, – подмигиваю ей. – И обсудим всё, что тебя может беспокоить, ладно?

Она удивлённо вскидывает брови, и я усмехаюсь:

– Надеюсь, ты не решила, что на этом всё закончится? На этом, Аглайка, всё только начинается! – И, чтобы быть до конца убедительным, подношу ко рту пальцы, побывавшие в её трусиках, и со смаком обсасываю их.

Глава 11.

Я мельком смотрю в самодовольное лицо Лютаева и не могу выдавить из себя ни звука. Это вот что сейчас было? Я могу вот так, запросто, кончить? Посреди пустынной дороги на капоте машины от ласк мужских рук? Серьёзно?

И тут Илья Александрович выдаёт:

– Мы продолжим чуть позже. И обсудим всё, что тебя может беспокоить, ладно? – Я удивлена. И смущена. И поражена в самое сердце. Но не уверена, что на самом деле смогу обсуждать с ним все те вещи, которые меня *беспокоят*. А мужчина, между делом, продолжает: – Надеюсь, ты не решила, что на этом всё закончится? На этом, Аглайка, всё только начинается!

Он подносит руку ко рту и... о боже!!!... Я крепко зажимаюсь. Лицо не просто горит, оно полыхает. Лютаев мягко посмеивается, одной рукой прижимая меня к своей груди, и целует мою макушку.

– Какая же ты сладкая малышка, Аглайка! – выдыхает он. – Так бы и съел!

Рядом с нами тормозит полицейская машина, но я, скрытая в объятьях мужчины, этого не вижу. Только слышу. Как и слышу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.